

ВАДИМ КОЖИНОВ

**ПОБЕДЫ И БЕДЫ
РОССИИ**

Вадим Валерианович Кожинов

Победы и беды России

Серия «Уроки истории»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138130

Победы и беды России / Вадим Кожинов: Эксмо-Пресс; Москва; 2017

ISBN 978-5-906979-29-2

Аннотация

В чем уникальность российской цивилизации и культуры? Почему, называя представителей любой национальности, мы используем существительные и только для себя, русских, прилагательное? Какая миссия заложена в таком определении и как в этом слове отразилось «инобытие всего реального тысячелетнего бытия народа»? Следует ли считать исторический путь нашего Отечества цельным или он прерывист, состоит из временных отрезков, преодолевать которые приходится неизменно обновляющейся России? На эти и другие вопросы отвечает в своей книге-бестселлере историк, литературовед и оригинальный мыслитель Вадим Кожинов.

Содержание

Введение	5
Часть первая	9
О месте России в мире	9
Почему произошло крушение СССР?	34
СССР: подъем – упадок – утрата веры	63
Необходимость связи времен	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

**Вадим Валерианович
Кожин
Победы и беды России**

© Ермилова Е. В., 2017

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

Введение

Существует ли проблема, поставленная в заглавии?

Можно предвидеть, что читатели воспримут подзаголовок этой книги с определенным недоумением: конечно же, скажут они, культура любого народа является порождением его истории, и это как бы и не требует доказательств. Но не в первый раз позволю себе напомнить общеизвестное «стихотворение в прозе» Ивана Тургенева «Русский язык» (1882), в котором в понятие «язык» («великий, могучий, правдивый и свободный»), без сомнения, включено и русское искусство слова, русская литература, представляющая собой ценнейшую и важнейшую составную часть отечественной культуры. Согласно этому лаконичному сочинению Ивана Сергеевича, все совершающееся в России заставляет «впасть в отчаяние», и один «язык» дает основание верить в величие русского народа...

Стоит сразу же привести высказывание другого писателя и мыслителя, Василия Розанова (из его сочинения 1909 года «Психология терроризма»), – высказывание, словно бы прямо и начисто опровергающее тургеневское. Человек с истинно зрелым сознанием начинает «постигать», – утверждал Василий Васильевич, – что, кроме России печатной, есть Рос-

сия живущая и что... не будь фактической Тамани, Лермонтову не о чем было бы написать, так же как Гончарову – „Обрыв“, а Толстому – „Детство и отрочество“, „Казачков“, „Войну и мир“, „Каренину“...» И с характерной для него заостренностью Розанов заключает: «...единственно одна Россия и есть у нас поэт, поющий песнь всею своею жизнью, а Пушкин, Лермонтов и Толстой всего лишь типографские наборщики...»

Скажут, что перед нами другая «крайность», но не надо забывать о прискорбном факте: после революции Василий Розанов на семь десятилетий был начисто «вычеркнут» из нашей культуры, а тургеневские строки учили наизусть в школах. Кстати, один из послереволюционных «руководителей» культуры, Анатолий Луначарский, который в 1917–1929 годах был наркомом просвещения, в 1924-м сказал о Пушкине, Лермонтове, Гоголе, Достоевском, Толстом и других: «Если... они остались великими, то вопреки этой проклятой старой России, и все, что в них есть пошлого, ложного, недоделанного, слабого, все это дала им она».

И хотя позднее подобное «противопоставление» русской литературы и самого бытия России не провозглашалось в столь категорических формулировках, все же и сегодня есть немало людей, которые, скажем, преклоняются перед пушкинским гением, но весьма или даже резко «критически» относятся к породившей этот гений стране...

Следует обратить внимание еще и на тот факт, что те или

иные откровенные зарубежные враги России, готовые отрицать само ее право на существование, все же признают величие творчества Толстого и Чайковского, Достоевского и Мусоргского, Чехова и Станиславского¹.

Словом, проблема, предложенная в заглавии этой книги, действительно существует.

Книга основывается главным образом на осмыслении органической связи отечественной истории и литературы – великой русской поэзии и прозы, хотя предметом внимания являются и другие виды искусства, а также философия, наука, особенный российский феномен «интеллигенция» (которая является или хотя бы считается носителем культуры) и т. п.

То, что основное внимание уделено литературе, представляется вполне оправданным. Во-первых, общепризнано, что именно в сфере литературы Россия в XIX веке стала играть безусловно ведущую роль в мире в целом. Во-вторых, те другие виды искусства, в сфере которых Россия опять-таки заняла в новейшее время одно из достойнейших мест в мире, – музыка, театр, кинематограф – так или иначе связаны с русской литературой². Поэтому, опираясь главным образом

¹ В частности, известный ярый «русофоб» маркиз де Кюстин, по его собственному признанию, был потрясен несравненным величием русских церковных песнопений.

² Это относится и ко многим жанрам музыкального искусства... романсам, песням, операм и даже балетам («Бахчисарайский фонтан», «Медный всадник», «Конек-Горбунок» и т. п.).

на осмысление русской литературы, можно судить о русской культуре и ее взаимосвязи с историей в целом.

Часть первая

Россия как уникальная цивилизация и культура

О месте России в мире

1

С чисто географической точки зрения проблема вроде бы совершенно ясна: Россия со времени начавшегося в XVI веке присоединения к ней территорий, находящихся восточнее Уральского хребта, являет собой страну, которая частью входит в Европейский континент, а частью (значительно большей) – в Азиатский. Правда, сразу же встает вопрос о существенном своеобразии и даже уникальности такого положения вещей в современном мире, ибо остальные страны гигантского Евразийского материка всецело принадлежат либо Европе, либо Азии (3 процента территории Турции, находящиеся на Европейском континенте, – единственное «исключение из правила»). И в настоящее время даже и в са-

мой России на указанный вопрос нередко дается способный огорчить многих русских людей ответ, который можно кратко изложить следующим образом.

Государство, сложившееся примерно тысячу двести лет назад и первоначально называвшееся Русью, было европейским (точнее, восточноевропейским), но начиная с XVI века оно, как и целый ряд других государств Европы – Испания, Португалия, Великобритания, Франция, Нидерланды и т. д., – предприняло широкомасштабную экспансию в Азию, превращая громадные ее территории в свои колонии³. После Второй мировой войны (1939–1945) государства Запада постепенно так или иначе «отказались» от колоний, но Россия по-прежнему владеет колоссальным пространством в Азии, и хотя после «распада СССР» в 1991 году более трети азиатской части страны стало территориями «независимых государств», нынешней Российской Федерации (РФ) принадлежат все же 13 млн. кв. км азиатской территории, что составляет третью часть (!) всего пространства Азии и, скажем, почти в четыре раза превышает территорию современной Индии (3,28 млн кв. км).

О том, являются (или являлись) вошедшие в состав России азиатские территории колониями, речь пойдет ниже. Сначала целесообразно поставить другой вопрос – об огромном пространстве России как таковом. Достаточно ши-

³ Правда, западноевропейские государства превращали в свои колонии земли не только Азии, но и Африки, Америки и Австралии.

роко бытует представление, согласно которому чрезмерно большая территория при сравнительно небольшом населении, во-первых, свидетельствует об исключительных «имперских» аппетитах, а во-вторых, является причиной многих или даже (в конечном счете) вообще всех бед России – СССР.

В 1989 году на всем гигантском пространстве СССР, составлявшем 22,4 млн кв. км – 15 % всего земного шара (суши), – жили 286,7 млн. человек, то есть 5,5 % тогдашнего населения планеты. А ныне, между прочим, положение даже, так сказать, усугубилось: примерно 145 млн нынешних жителей РФ – менее 2,3 % населения планеты – занимают территорию в 17,07 млн кв. км (вся площадь РФ), составляющую 11,4 % земной поверхности, то есть почти в 5 раз больше, чем вроде бы «полагается»... Таким образом, те, кто считает Россию страной, захватившей непомерно громадную территорию, сегодня имеют, по-видимому, особенно веские основания для пропаганды этой точки зрения.

Однако даже самые устоявшиеся точки зрения далеко не всегда соответствуют реальности. Чтобы доказать это, придется опять-таки привести ряд цифр, хотя далеко не все читатели имеют привычку и желание разбираться в цифровых соотношениях. Но в данном случае без цифр не обойтись.

Итак, РФ занимает 11,4 % земного пространства, а ее население составляет всего лишь 2,3 % населения планеты. Но, например, территория Канады – 9,9 млн кв. км, то есть 6,6 %

земной поверхности планеты, а живет в этой стране всего лишь 0,4 (!)% населения Земли (28 млн человек). Или Австралия – 7,6 млн кв. км (5 % суши) и 18 млн человек (менее 0,3 % населения планеты). Эти соотношения можно выразить и так: в РФ на 1 кв. км территории приходится 8,5 человека, а в Канаде – только 2,8 и в Австралии – всего лишь 2,3. Следовательно, на одного человека в Канаде приходится в три раза больше территории, чем в нынешней РФ, а в Австралии даже почти в четыре раза больше. И это не предел: в Монголии на 1,5 млн кв. км живут 2,8 млн человек, то есть на 1 кв. км приходится в пять раз меньше людей, чем в России.

Исходя из этого, становится ясно, что утверждение о чрезмерном-де обилии территории, которым владеет именно Россия, – тенденциозный миф, который, к сожалению, внедрен и в умы многих русских людей.

Не менее существенна и другая сторона дела. Более половины территории РФ находится немногим южнее или даже севернее 60-й параллели северной широты, то есть в географической зоне, которая, в общем и целом, считается непригодной для «нормальной» жизни и деятельности людей: таковы расположенные севернее 58 градуса Аляска, северные территории Канады, Гренландия и т. п. Выразительный факт: Аляска занимает ни много ни мало 16 % территории США, но ее население составляет только 0,2 % населения этой страны. Еще более впечатляет положение в Канаде:

ее северные территории занимают около 40 процентов всей площади страны, а их население – всего лишь 0,02 % (!) ее населения.

Совершенно иное соотношение сложилось к 1989 году в России (имеется в виду тогдашняя РСФСР): немного южнее и севернее 60 градуса жили 12 % ее населения (18 млн человек)⁴, то есть почти в 60 раз большая доля, чем на соответствующей территории США, и почти в 600 (!) раз, чем на северных территориях Канады.

И вот именно в этом аспекте (а вовсе не по исключительному «обилию» территории) Россия в самом деле уникальная страна.

Один из главных истоков государственности и цивилизации Руси город Ладога в устье Волхова (к тому же исток, как доказала современная историография, изначальный; Киев стал играть первостепенную роль позже) расположен именно на 60-й параллели северной широты. Здесь важно вспомнить, что западноевропейские «колонизаторы», внедряясь в страны Южной Азии и Центральной Америки (например, в Индию или Мексику), находили там высокоразвитые (хотя и совсем иные, нежели западноевропейская) цивилизации, но, добравшись до 60 градуса (в той же северной Канаде), заставляли там – даже в XX веке – поистине «первобытный» образ жизни. Никакие племена планеты, жившие в этих широтах

⁴ Возможно, что сегодня, после «реформ», весьма значительная часть этих людей покинула «север».

с их климатическими условиями, не смогли создать сколько-нибудь развитую цивилизацию.

А между тем Новгород, расположенный не намного южнее 60 градуса, уже к середине XI века являл собой средоточие достаточно высокой цивилизации и культуры. Могут возражать, что в то же время находящиеся на той же северной широте южные части Норвегии и Швеции были цивилизованными. Однако благодаря мощному теплему морскому течению Гольфстрим⁵, а также общему характеру климата Скандинавии и, кстати сказать, Великобритании (океаническому, а не континентальному, присущему России⁶) зимние температуры в южной Норвегии и Швеции в среднем на 15–20 (!) градусов выше, чем в других находящихся на той же широте землях, и снежный покров, если изредка и бывает, то не более месяца, между тем как на той же широте в районе Ладуги-Новгорода снег лежит 4–5,5 месяца! В отличие от основных стран Запада в России необходимо в продолжение более половины года интенсивно отапливать жилища и производственные помещения, что подразумевает, понятно, очень весомые затраты труда.

Не менее важно и другое. В истории высокоразвитой цивилизации Запада громадную роль играл водный – морской

⁵ Точнее, Северо-Атлантическому.

⁶ Стоит упомянуть, что зима в Кубанской степи, расположенной почти на 2000 км южнее Скандинавии, все же продолжительнее и суровее, чем в южных частях Норвегии и Швеции!

и речной – транспорт, который, во-первых, во много раз «дешевле» сухопутного и, во-вторых, способен перевозить гораздо более тяжелые грузы. Тот факт, что страны Запада окружены незамерзающими морями и пронизаны реками, которые или вообще не замерзают, или покрываются льдом на очень краткое время, во многом определил беспрецедентный экономический и политический динамизм этих стран. Разумеется, и в России водные пути имели огромное значение, но здесь они действовали в среднем только в течение половины года.

Словом, сложившаяся тысячелетие назад вблизи 60-й параллели северной широты и в зоне континентального климата государственность и цивилизация Руси в самом деле уникальное явление; если ставить вопрос «теоретически», его как бы вообще не должно было быть, ибо ничто подобное не имело места на других аналогичных территориях планеты. Между тем в суждениях о России уникальные условия, в которых она сложилась и развивалась, принимают во внимание крайне редко, особенно если речь заходит о тех или иных «преимуществах» стран Запада сравнительно с Россией.

А ведь дело не только в том, что Россия создавала свою цивилизацию и культуру в условиях климата 60-й параллели (к тому же континентального), то есть уже не столь далеко от Северного Полярного круга. Не менее многозначителен тот факт, что такие важнейшие города России, как Смоленск, Москва, Владимир, Нижний Новгород, Казань, Уфа, Челя-

бинск, Омск, Новосибирск, Красноярск и т. д., расположены примерно на 55-й параллели, а в Западной Европе севернее этой параллели находится, помимо скандинавских стран, одна только Шотландия, также «утепляемая» Гольфстримом. Что же касается США, вся их территория (кроме почти безлюдной Аляски) расположена южнее 50 градуса, между тем как даже южный центр Руси, Киев, находится севернее этого градуса.

В нынешней же РФ территории южнее 50-й параллели составляют 589,2 тыс. кв. км – то есть всего лишь 3,4 % (!) ее пространства (эти южные земли населяли в 1989 году 20,6 млн человек – 13,9 % населения РСФСР – не намного больше, чем в самых северных областях). Таким образом, Россия сложилась на пространстве, кардинально отличающемся от того пространства, на котором развивались цивилизации Западной Европы и США, притом дело идет не только о географических, но и геополитических отличиях. Так, громадные преимущества водных путей, особенно незамерзающие моря (и океаны), которые омывают территории Великобритании, Франции, Нидерландов, Германии и т. д., а также США, – основа именно геополитического «превосходства».

Тут, впрочем, может или даже должен возникнуть вопрос о том, почему территории Азии, Африки и Америки, расположенные южнее стран Запада (включая США), в тропической зоне, явно и по многим параметрам «отставали» от за-

падной цивилизации. Наиболее краткий ответ на такой вопрос уместно изложить следующим образом. Если в арктической (или хотя бы близкой к ней) географической зоне огромные усилия требовались для элементарного выживания людей и их деятельность, по сути дела, исчерпывалась этими усилиями, то в тропической зоне, где, в частности, земля плодоносит круглый год и не нужны требующие больших затрат труда защищающие от зимнего холода жилища и одежда, выживание давалось как бы «даром», и не было настоятельных стимулов для развития материальной цивилизации. А страны Запада, расположенные в основном между 50-й и 40-й параллелями, представляли собой с этой точки зрения своего рода «золотую середину» между Севером и Югом.

Выше изложены «общедоступные» сведения, но они, как уже сказано, крайне редко учитываются в рассуждениях о России и – что особенно прискорбно – при сопоставлении ее истории (и современного бытия) с историей (и современным бытием) Западной Европы и США. Как ни странно, подавляющее большинство идеологов, рассуждающих о тех или иных «преимуществах» западной цивилизации над российской, ставят и решают вопрос только в социально-политическом плане: любое «отставание» от Запада в сфере экономики, быта, культуры и т. д. пытаются объяснить либо (когда речь идет о Древней Руси) «феодальной раздробленностью», либо (на более поздней стадии), напротив, «самодер-

жавием», а также «крепостничеством», «имперскими амбициями», наконец, «социалистическим тоталитаризмом».

Если вдуматься, подобные толкования основаны, в сущности, на своего рода мистицизме, ибо, согласно им, Россия-де имела все основания, чтобы развиваться так же, как и страны Запада, но некие зловещие силы, прочно угнездившиеся с самого начала ее истории на верхах государства и общества, подавляли или уродовали созидательные потенции страны...

Именно в духе такого «черного» мистицизма толкует историю России, например, небезызвестный Е. Гайдар в своем сочинении «Государство и эволюция» (1995 г. и последующие издания). В заключение он заявляет о необходимости «сместить главный вектор истории России» (с. 187) – имеется в виду вся ее история!

Помимо прочего, он считает необходимым «отказаться» от всего «азиатского» в России. И в этой постановке вопроса с наибольшей очевидностью выступает заведомая несостоятельность воззрений подобных идеологов. Дело в том, что «отказ» от всего «азиатского» означает именно отрицание всей отечественной истории в целом.

Как уже было упомянуто, Россия начала присоединение к себе территорий Азии (то есть зауральских) только в конце XVI века, но совместная история восточных европейцев-славян и азиатских народов началась восемью столетиями ранее, во время самого возникновения государства Русь.

Ибо многие народы Азии вели тогда кочевой образ жизни и постоянно двигались по громадной равнине, простирающейся от Алтая до Карпат, нередко вступая в пределы Руси. Их взаимоотношения с восточными славянами были многообразны – от жестоких сражений до вполне мирного сотрудничества. Насколько сложными являлись эти взаимоотношения, очевидно из того, что те или иные враждующие между собой русские князья нередко приглашали на помощь половцев, пришедших в середине XI века из Зауралья и поселившихся в южнорусских степях. Более того, еще ранее, в IX–X веках, Русь вступила в опять-таки сложные взаимоотношения с другими азиатскими народами – хазарами, булгарами, печенегами, торками и т. д.

К сожалению, многие «антиазиатски» настроенные историки внедрили в массовое сознание представление об этих «азиатах» только как о чуть ли не смертельных врагах Руси; правда, за последние десятилетия было создано немало основательных исследований, из которых явствует, что подобное представление не соответствует исторической реальности⁷. Даже определенная часть хазар (козар), входивших до последней трети X века в весьма агрессивный по отношению к Руси Хазарский каганат, присоединялись к русским, о чем свидетельствует богатырский эпос, один из достославных ге-

⁷ См. подробный обзор этих исследований в моей книге «История Руси и русского Слова. Современный взгляд» (М., 1997, второе дополненное издание – М., 1999).

роев которого – Михаил Козарин.

Ложно понимается, увы, и ситуация, воссозданная во всем известном «Слове о полку Игореве», где будто бы изображена роковая непримиримая борьба половецкого хана Кончака и русского князя Игоря, между тем как историю их конфликта венчает женитьба сына Игоря на дочери Кончака, принявшей Православие (как, кстати, и сын Кончака Юрий, выдавший свою дочь за великого князя Руси Ярослава Всеволодовича).

Насколько рано и прочно была связана Русь с Азией, свидетельствует древнейшее из имеющихся западноевропейских сообщений о русском государстве – сделанная в 839 году (1160 лет назад!) во франкских «анналах» запись, согласно которой правитель Руси зовется «хаканом», то есть азиатским (тюркским) титулом (каган; впоследствии этот титул имели великие князья Руси Владимир Святославич и Ярослав Мудрый).

Итак, за восемь столетий до того момента, когда Россия пришла за Урал, в Азию, сама Азия пришла на Русь и затем не раз приходила сюда в лице многих своих народов – вплоть до монголов в XIII веке.

В связи с этим нельзя не сказать, что, как ни прискорбно, до сего дня широко распространены тенденциозные – крайне негативные – представления о существовавшей в XIII–XV веках Монгольской империи, хотя еще в конце прошлого столетия один из крупнейших востоковедов России и ми-

ра В. В. Бартольд (1869–1930) опроверг усвоенный с Запада миф об этой империи как чисто «варварской» и способной лишь к разрушительным акциям.

«Русские ученые, – констатировал Бартольд, – следуют большею частью по стопам европейских», но вопреки утверждениям последних, «монголы принесли с собой очень сильную государственную организацию... и она оказала сильное воздействие во всех областях, вошедших в состав Монгольской империи». В. В. Бартольд сетовал, что многие российские историки говорили о монголах «безусловно враждебно, отрицая у них всякую культуру, и о завоевании России монголами говорили только как о варварстве и об иге варваров... Золотая Орда была культурным государством; то же относится к государству, несколько позднее образованному монголами в Персии», которая в «монгольский» период «занимала первое место по культурной важности и стояла во главе всех стран в культурном отношении» (см. об этом подробно в моей упомянутой выше книге «История Руси...»).

Категорически негативная оценка Монгольской империи (как, впрочем, и всего «азиатского» вообще) была внедрена в Россию именно с Запада, и о причинах этого еще пойдет речь. Стоит привести здесь суждение о монголах одного из наиболее выдающихся деятелей Азии XX века – Джавахарлала Неру:

«Многие думают, что, поскольку они были кочевниками, они должны были быть варварами. Но это ошибочное пред-

ставление... у них был развитый общественный уклад жизни, и они обладали сложной организацией... Спокойствие и порядок установились на всем огромном протяжении Монгольской империи... Европа и Азия вступили в более тесный контакт друг с другом»⁸.

Последнее соображение Дж. Неру совершенно верно и весьма важно. Вспомним хотя бы, что европейцы впервые совершили путешествия в глубины Азии только после возникновения Монгольской империи, объединившей территории Азии и Восточной Европы и тем самым создавшей прочное евразийское геополитическое единство.

Правда, этого рода утверждения вызывают у многих русских людей неприятие, ибо при создании Монгольской империи Русь была завоевана и подверглась жестоким атакам и насилиям. Однако движение истории в целом немыслимо без завоеваний. То геополитическое единство, которое называется Западом, складывалось, начиная с рубежа VIII–IX веков, в ходе не менее жестоких войн Карла Великого и его преемников. Созданная в результате этих войн Священная Римская империя впоследствии разделилась на целый ряд самостоятельных государств, но без этой Империи едва ли могла сложиться цивилизация Запада в целом, ее геополитическое единство. И чрезвычайно показательны, что впоследствии западные страны не единожды снова объединялись – в империях Карла V и Филиппа II (XVI век) или Наполеона

⁸ *Неру Джавахарлал*. Взгляд на всемирную историю. М., 1975. Т. 1. С. 314, 319.

(начало XIX века).

Евразийская монгольская империя в XV веке разделилась (точно так же, как и западноевропейская) на ряд самостоятельных государств, но позднее, с конца XVI века, российские цари и императоры в той или иной мере восстанавливали евразийское единство. Точно так же, как и на Западе, это восстановление не обошлось без войн. Но в высшей степени многозначительно, что властители присоединяемых к России бывших составных частей Монгольской империи занимали высокое положение в русском государстве. Так, после присоединения в середине XVI века Казанского ханства его тогдашний правитель, потомок Чингисхана Едигер, получил титул «царя Казанского» и занимал второе место – после «царя всея Руси» Ивана IV – в официальной государственной иерархии. А после присоединения в конце XVI – начале XVII века монгольского Сибирского ханства чингизиды – сыновья всем известного хана Кучума – вошли с титулами «царевичей Сибирских» в состав российской власти (см. об этом в моей книге «История Руси...»).

Подобные исторические факты, к сожалению, малоизвестны, а без их знания и осмысления нельзя понять действительный характер России как евразийской державы, – в частности, решить вопрос о том, является ли азиатская часть России ее колонией.

Побывав в начале XX века в азиатской части России, британский государственный деятель Джордж Керзон, который

в 1899–1905 годах правил Индией (с титулом «вице-короля»), писал: «Россия, бесспорно, обладает замечательным даром добиваться верности и даже дружбы тех, кого она подчинила силой... Русский братается в полном смысле слова... Он не уклоняется от социального и семейного общения с чуждыми и низшими расами», к чему «англичане никогда не были способны»⁹.

По-своему замечательно это рассуждение профессионального «колонизатора». Он явно не в состоянии осознать, что народы Азии не были и не могли быть для русских ни «чуждыми», ни «низшими», ибо, как уже говорилось, с самого начала существования государства «Русь» складывались, несмотря на те или иные военные конфликты, тесные и равноправные взаимоотношения с этими народами, – в частности имели место многочисленные супружества в среде русской и азиатской знати. Между тем люди Запада, вторгаясь в XVI–XX веках в Азию, Америку, Африку и Австралию, воспринимали «туземцев» именно как людей (вернее, «недочеловеков») «чуждых и низших рас». И целью осуществляемого странами Запада с конца XV века покорения Американского, Африканского, Австралийского и большей части Азиатского континентов было не имевшее каких-либо нравственных ограничений выкачивание материальных богатств из этих континентов.

⁹ Цит. по книге: *Нестеров Ф.* Связь времен. Опыт исторической публицистики. М., 1980. С. 107–108.

Впрочем, достаточно широкое хождение имеют такие же толкования судьбы присоединенных к России территорий Азии. Но вот вроде бы частный, но весьма показательный факт. Двадцать с лишним лет назад я познакомился с молодым политическим деятелем Гватемалы Рафаэлем Сосой – страстным борцом против колониализма во всех его проявлениях. Он и прибыл в Москву потому, что видел в ней своего рода оплот антиколониализма. Но через некоторое время он – вероятно, после бесед с какими-либо «диссидентами» – с присущей ему прямоотой заявил мне, что обманут в своих лучших надеждах, ибо русские эксплуатируют и угнетают целый ряд азиатских народов, то есть сами являются колонизаторами. Я пытался переубедить его, но тщетно.

Однако затем он совершил большое путешествие по СССР и, вернувшись в Москву, с той же прямоотой попросил у меня извинения, поскольку убедился, что люди в русских «колониях» живут не хуже, а нередко и намного лучше, чем в Центральной России, между тем как уровень и качество жизни в западных «метрополиях» и зависимых от них (хотя бы только экономически) странах отличаются в громадной степени и с полной очевидностью.

Конечно, проблема колониализма имеет еще и политические, и идеологические аспекты, но тот факт, что «азиатские» крестьяне, рабочие, служащие, деятели культуры и т. д. имели (и имеют) в нашей стране не менее или даже более высокий уровень жизни, чем русские люди тех же соци-

альных категорий¹⁰, говорит о заведомой несостоятельности представления об азиатских территориях России как о колониях, подобных колониям Запада, где такое положение дел немислимо.

Следует также отметить, что отношение русских к азиатским народам России предстает в кардинально более благоприятном виде, нежели отношение англичан, немцев, французов, испанцев к оказавшимся менее «сильными» народам самой Европы. Великобритания – это страна бриттов, но сей народ был стерт с лица земли англичанами (англами); та же судьба постигла государство пруссов, занимавшее весьма значительную часть будущей Германии (Пруссию), и много других западноевропейских народов.

В России же были ассимилированы только некоторые финские племена, населявшие ее центральную часть (вокруг Москвы), но они не имели ни государственности, ни сколько-нибудь развитой цивилизации (в отличие от упомянутых пруссов). Правда, исчезли еще печенеги, торки, половцы¹¹ и ряд других тюркских народов, но они как бы растворились

¹⁰ Вот, например, выразительный показатель: в 1989 году в Узбекистане, Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении, Грузии, Армении более или даже намного более значительная (в 1,6 раза!) доля семей, чем в РСФСР, имела легковые автомобили (См.: Социальное развитие СССР. Статистический сборник. М., 1990. С. 144).

¹¹ В высшей степени характерно, что великий русский композитор А. П. Бородин подарил половцам своего рода бессмертие в своих известных всему миру «Половецких плясках».

в полукочевой Золотой Орде, а не из-за какого-либо воздействия русских. Около ста азиатских народов и племен, сохранившихся в течение веков на территории России (и позднее СССР), – неоспоримое доказательство национальной и религиозной терпимости, присущей евразийской державе.

В связи с этим немаловажно напомнить, что азиатские воины на протяжении веков участвовали в отражении атак на Русь-Россию с Запада. Как известно, первое мощное нападение Запада имело место еще в 1018 году, когда объединенное польско-венгерско-немецкое (саксонское) войско сумело захватить Киев. Польский князь (позднее король) Болеслав Великий совершил свой поход будто бы только с целью посадить на киевский престол своего зятя (супруга дочери) Святополка (Окаянного), которого лишил власти его сводный брат Ярослав Мудрый. Однако, войдя в Киев, захватчики ограбили его казну и увели тысячи киевлян в рабство, и, согласно сообщению «Повести временных лет», даже и сам Святополк вступил в борьбу со своими коварными «друзьями».

Польский хронист французского происхождения, известный как Галл, повествуя о событиях 1018 года, счел необходимым сообщить, что в войне с армией Болеслава на стороне Руси приняли участие и азиаты – печенеги. Это вроде бы противоречит нашей летописи, ибо в ней говорится о союзе печенегов со Святополком. Но вполне возможно, что в междоусобной борьбе Святополка и Ярослава печенеги ока-

зались на стороне первого; когда же началась война с врагами, пришедшими с Запада, печенеги бились именно с ними, о чем и поведал Галл, а русский летописец умолчал об этой роли печенегов – быть может, из нежелания хоть как-либо умалить заслугу Ярослава Мудрого.

Аналогично обстоит дело с информацией о победе в 1242 году Александра Невского над вторгшимся на Русь тевтонским войском. Германский хронист Гейденштейн сообщил, что «Александр Ярославич... получивши в подмогу татарские вспомогательные войска... победил в сражении», но наша летопись об этом не сообщает.

Достоверность сведений Галла и Гейденштейна находит подтверждение в том, что во время тяжелой Ливонской войны 1558–1583 годов, когда Россия отстаивала свои исконные северо-западные границы в борьбе с немцами, поляками и шведами, в нашем войске, как это известно с полной достоверностью, весомую роль играли азиатские воины, и одно время даже командовал всей русской армией хан Касимовский чингизид Шах-Али (по-русски Шигалей).

Нельзя не сказать еще об особенной составной части населения России – казачестве, которое, как убедительно доказано в ряде новейших исследований, имело «смешанное» русско-азиатское происхождение (показательно, что само слово «казак» – тюркское). В течение долгого времени казачество находилось в достаточно сложных отношениях с российской властью, но в конечном счете стало мощным компонентом

российской армии; Наполеон в 1816 году заявил: «...вся Европа через десять лет может стать казацкою...»

Правда, сие «предсказание» было необоснованным, ибо Россия никогда не имела намерения завоевать Европу¹², но слова Наполеона красноречиво говорят о возможностях того русско-азиатского казацкого воинства, с которым он столкнулся в России.

* * *

Редко обращают внимание на тот факт, что Запад, начиная с конца XV века, за сравнительно недолгое время и даже без особо напряженных усилий так или иначе подчинивший все континенты (Америку, Африку, большую часть Азии и Австралию), вместе с тем, несмотря на многочисленные мощные вторжения в нашу страну (первое, как сказано, состоялось в 1018 году – без малого тысячу лет назад), не смог ее покорить, хотя ее не отделяют от Запада ни океан (или хотя бы море), ни горные хребты.

В этом уместно усматривать первопричину присущей Западу русофобии в буквальном значении сего слова (то есть страха перед Россией). Русофобией проникнута, в частности, известная книга француза де Кюстина «Россия в

¹² См. об этом подробно в моей книге: Россия. Век XX. 1939–1964. Опыт беспристрастного исследования. М, 1999, С. 35–52.

1839 году»¹³. Поскольку широкое распространение получили лишь ее значительно и тенденциозно сокращенные переводы на русский язык, она считается «антирусской», всячески, мол, дискредитирующей Россию. В действительности этот весьма наблюдательный француз был (при всех возможных оговорках) потрясен мощью и величием России; в частности, на него произвел огромное впечатление тот факт, о котором шла речь выше, – создание столь могучей державы на столь северной территории Земли: «...эта людская раса... оказалась вытолкнута к самому полюсу... война со стихиями есть суровое испытание, которому Господь пожелал подвергнуть эту нацию-избранницу, дабы однажды вознести ее над многими иными».

Проницательно сказал Кюстин и о другой стороне дела: «Нужно приехать в Россию, чтобы воочию увидеть этот результат ужасающего (то есть порождающего русофобию. – *В. К.*) соединения европейского ума и науки с духом Азии» («русско-азиатское» казачество, как уже говорилось, «ужасало» и самого Наполеона).

Следует признать, что французский путешественник яснее и глубже понял место России в мире, чем очень многие русские идеологи и его времени и наших дней, считающие все «азиатское» в отечественном бытии чем-то «негативным», от которого надо освободиться, и лишь тогда, мол, Россия станет в полном смысле слова цивилизованной и

¹³ Подробно о ней см. ниже.

культурной страной. Подобного рода представления основаны на глубоко ложном представлении о мире в целом, что превосходно показал в своей книге «Европа и человечество» (1920) замечательный мыслитель и ученый Николай Трубецкой (1890–1938).

Он писал, что «европейски образованным» людям «шовинизм и космополитизм представляются... противоположностями, принципиально, в корне отличными точками зрения». И решительно возразил: «Стоит пристальнее всмотреться в шовинизм и в космополитизм, чтобы заметить, что принципиального различия между ними нет, что это... два различных аспекта одного и того же явления.

Шовинист исходит из того априорного положения, что лучшим народом в мире является именно его народ. Культура, созданная его народом, лучше, совершеннее всех остальных культур...

Космополит отрицает различия между национальностями. Если такие различия есть, они должны быть уничтожены. Цивилизованное человечество должно быть едино и иметь единую культуру... Однако посмотрим, какое содержание вкладывают космополиты в термины „цивилизация“ и „цивилизованное человечество“? Под „цивилизацией“ они понимают ту культуру, которую в совместной работе выработали романские и германские народы Европы...

Таким образом, мы видим, что та культура, которая, по мнению космополитов, должна господствовать в мире, есть

культура такой же определенной этнографически-антропологической единицы, как и та единица, о господстве которой мечтает шовинист... Разница лишь в том, что шовинист берет более тесную этническую группу, чем космополит... разница только в степени, а не в принципе... теоретические основания так называемого... „космополитизма“... правильное было бы назвать откровенно общероманогерманским шовинизмом»¹⁴.

Нет сомнения, что «романо-германская» цивилизация Запада, создававшаяся в своего рода оптимальных географических и геополитических условиях (о чем шла речь выше) обладает многими и очевидными преимуществами в сравнении с другими цивилизациями, в том числе и российской. Но столь же несомненны те или иные преимущества этих других цивилизаций, что, кстати сказать, признавали многие идеологи самого Запада. Правда, подчас такие признания имеют весьма своеобразный характер... Выше цитировались суждения Дж. Керзона, который правил Индией и посетовал, что, в отличие от русских, «англичане никогда не были способны» добиться «верности и даже дружбы» со стороны людей «чуждых и низших рас». То есть британец усмотрел «превосходство» русских в прагматизме их поведения в Азии, хотя вообще-то именно Запад явно превосходит своим прагматизмом другие цивилизации, и в устах западного идеолога эта «похвала» является весьма высокой.

¹⁴ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 57–60.

Дело в том, однако, что, как уже сказано, для русских отнюдь не характерно то восприятие людей Азии («чуждые и низшие расы»), о котором без обиняков высказался британский государственный деятель. И вернемся теперь к размышлениям Николая Трубецкого. То, что он называет «космополитизмом», в наше время определяют чаще всего как приверженность к «общечеловеческим ценностям», но в действительности-то при этом речь идет именно и только о западных ценностях, которые обладают-де абсолютным превосходством над ценностями иных цивилизаций.

В высшей степени показательно, что Керзон истолковал отношение русских к людям Азии как выражение уникального прагматизма; ему, очевидно, представлялось просто немислимым сложившееся за тысячелетнюю историю единство русских и «азиатов». И, заключая размышление о месте России в мире, уместно сказать, что ее евразийское единство в самом деле является общечеловеческой или, употребляя слово Достоевского, всечеловеческой ценностью, которая, будем надеяться, еще сыграет свою благотворную роль в судьбах мира.

Почему произошло крушение СССР?

Почти невероятно быстрое и в сущности не вызвавшее фактического сопротивления крушение великой державы чаще всего стремятся объяснить нежизнеспособностью ее экономического и политического устройства, хотя одни авторы утверждают, что нежизнеспособен социализм как таковой, ибо он представляет собой насильственно реализованную утопию, а другие видят в том строе, который установился после 1917 года, извращенную форму социализма, подменившую «творчество самих народных масс»¹⁵ партийно-государственным диктатом (правда, имеют место и объяснения краха СССР поражением в «холодной войне» с Западом, но об этом речь пойдет ниже).

Однако такого рода толкования порождают серьезные сомнения, как только мы вспоминаем, что за три четверти века до краха СССР совершился поистине мгновенный и не пробудивший сопротивления крах Российской империи. Василий Розанов с характерной для него «лихостью», но верно писал о Февральском перевороте 1917 года: «Русь слиняла в два дня. Самое большое – в три... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом ничего».

А один из активнейших участников этого переворота В.

¹⁵ Определение, употреблявшееся В. И. Лениным.

Б. Станкевич не без известного изумления вспоминал в 1920 году, что Февраль – это даже «не бунт, а стихийное движение, сразу испепелившее всю старую власть без остатка: и в городах, и в провинции, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений». Из этих характеристик между прочим явствует, что происшедшее в 1991 году было все же гораздо менее катастрофическим, нежели в 1917 году...

Стоит еще привести суждения французского посла в России в 1914–1917 годах Мориса Палеолога (между прочим, потомка последнего императора Византии). На Западе, писал он, «самые быстрые и полные изменения связаны с переходными периодами, с возвратами к старому, с постепенными переходами. В России чашка весов не колеблется – она сразу получает решительное движение. Всё разом рушится, всё – образы, помыслы, страсти, идеи, верования, всё здание»¹⁶.

Сегодня, впрочем, имеются идеологи (например, всем известный Гайдар), с точки зрения которых, дореволюционная «самодержавная» Россия также являлась нежизнеспособным феноменом, и, следовательно, ее мгновенный крах был столь же естественным. Но, поскольку едва ли уместно считать экономические и политические устройства, существовавшие до 1917-го и после него, однотипными, истинная причина двух аналогичных крушений кроется не в этих устройствах, а, надо думать, в чем-то другом.

¹⁶ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923. С. 57.

Убедить в первостепенном значении этого «другого» нелегко, ибо в общественное сознание с давних пор внедрялось именно экономико-политическое объяснение хода истории, которое еще в конце XVIII века начало складываться в России под воздействием западноевропейской идеологии (отнюдь не только марксистской; сам Карл Маркс не раз признавал, что, например, понятие о «классовой борьбе» как движущей силе истории сложилось задолго до появления его сочинений).

На вопрос о том, почему в феврале 1917 года произошло крушение Российской империи, многие и сегодня ответят, что трудящиеся массы, рабочие и крестьяне, разрушили эту Империю, ибо она жестоко «эксплуатировала» и «угнетала» их.

Но как это совместить с тем несомненным фактом, что в крушении Империи более значительную роль, чем какие-нибудь пролетарии и крестьяне, сыграли, например, начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал от инфантерии М. В. Алексеев, или командир Гвардейского морского экипажа великий князь (двоюродный брат императора) Кирилл Владимирович, или член Государственного совета, крупнейший предприниматель (владевший громадным по тем временам капиталом в 600 тысяч руб.) А. И. Гучков?

Аналогичное положение и через три четверти века: роль в крушении СССР члена Политбюро ЦК КПСС А. Н. Яковлева, или кандидата в члены Политбюро Б. Н. Ельцина, или

академика, трижды Героя Соцтруда А. Д. Сахарова, конечно же, несравнима с ролью каких-либо рабочих и колхозников...

И другая сторона дела: «эксплуатация» и «гнет», скажем, за шестьдесят лет до 1917 года, то есть при крепостном праве, и за те же шестьдесят лет до 1991-го, в период индустриализации и коллективизации, были, без сомнения, гораздо тяжелее, чем в канун обоих крушений, но власть в стране держалась тогда достаточно прочно.

Наконец – и это опять-таки многозначительно – оба вроде бы столь грандиозные крушения привели к очень малому количеству человеческих жертв; никакие действительные «сражения» между сторонниками Российской империи и впоследствии СССР и их противниками не имели места. Мне напомнят, конечно же, что после краха Российской империи началась убийственная гражданская война, а после крушения СССР – цепь различных кровавых конфликтов. Однако это уже явно совершенно другая проблема.

Множество неоспоримых фактов убеждает, что гражданская война 1918–1922 годов шла не между сторонниками рухнувшей Империи и ее противниками, а между теми, кто пришел к власти в результате Февральского переворота, и свергнувшими их в Октябре большевиками. Показательно, что белых называли также кадетами (по названию партии, игравшей первостепенную роль в Феврале). Наконец, самое весомое место в гражданской войне занимали мощные вос-

стания или хотя бы бунты крестьянства, которое, вовсе не желая возврата к Империи, не желало подчиняться и «новым» – красной и равным образом белой – властям. И следует осознать, что в советской историографии белым безосновательно приписывали цель восстановления «самодержавия» – ради их компрометации¹⁷.

Вполне аналогично после 1991 года приписывают «реваншистское» стремление восстановить тоталитарный СССР всем оппозиционным по отношению к новой власти силам; именно так трактуется, например, принесший жертвы конфликт в октябре 1993 года у так называемого Белого дома. При этом игнорируется тот бесспорный факт, что большинство людей, возглавлявших тогда «защиту» Белого дома, начиная с А. В. Руцкого и Р. И. Хасбулатова, всего двумя годами ранее, в августе 1991-го, «защищали» тот же «дом» от пытавшегося сохранить СССР так называемого ГКЧП!

Такой оборот дела по меньшей мере странен, и едва ли можно понять суть происходившего в 1991-м и последующих годах, основываясь на анализе событий самого этого времени; то, что совершилось тогда, как представляется, имело очень глубокие корни в отечественной истории.

¹⁷ См. подробное изложение существа дела в моей книге: Россия. Век XX. 1901–1939. Опыт беспристрастного исследования. М., 1999.

Как уже отмечено, наиболее широко распространенные толкования истории России с давних пор и во многом опираются на ту методологию, которая была выработана на «материале» истории Запада (в том числе марксистскую), хотя русские люди наивысшего духовного уровня не раз утверждали, что подобный подход к делу заведомо несостоятелен.

Я имею в виду вовсе не каких-либо «славянофилов» или «почвенников». Так, не могущий быть причисленным к ним Пушкин настоятельно призывал: «Поймите же... что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европою, что история ее требует другой мысли, другой формулы». Крупнейший мыслитель пушкинской поры Чаадаев (который, кстати, слышет «западником») безоговорочно утверждал, что «мы не Запад», что «Россия не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы... И не говорите, что мы молоды, что мы отстали от других народов, что мы нагоним их. Нет, мы столь же мало представляем собой XVI или XV век Европы, сколь и XIX век. Возьмите любую эпоху в истории западных народов... и вы увидите, что у нас другое начало цивилизации... Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое».

Впрочем, обратимся к конкретным проявлениям «свое-

образия» России. Все знают «формулу», которую в конце жизни дал Пушкин (и даже «чувствуют» ее глубокий смысл, хотя редко вдумываются в него): «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Поставив эпитеты после слова «бунт», Пушкин тем самым усилил и заострил их значение. «Бессмысленный» – то есть, по сути дела, бесцельный, не ставящий перед собой практических задач, а «беспощадный» – значит, уничтожающий все попавшееся под руку, в частности то, что, без сомнения, могло бы быть использовано бунтовщиками в своих интересах (так, бунтующие крестьяне сжигали массу благоустроенных поместий).

Речь идет именно о русском бунте, ибо, например, даже, казалось бы, совсем «дикий» бунт английских луддитов конца XVIII – начала XIX века, уничтожавших изобретенные тогда машины, имел вполне определенные прагматические цели – возвращение на предприятия безработных, вытесненных механизацией, и восстановление той, более высокой заработной платы, которую давал ручной труд.

Правда, во множестве сочинений и «русские бунты» толкуются как целенаправленная борьба трудящихся масс за улучшение своего социально-экономического положения, вызванная особо возросшими перед каким-либо из этих бунтов «эксплуатацией» и «гнетом». Но едва ли есть серьезные основания полагать, что самые мощные из этих бунтов – «болотниковщина» (1606–1607 годы), «разинщина» (1670–

1671), «булавинщина» (1707–1709), «пугачевщина» (1773–1775)¹⁸ – раздражались в силу резкого увеличения этих самых «эксплуатации» и «гнета», которые будто бы были намного слабее в периоды между бунтами.

Один из наиболее проницательных отечественных историков В. О. Ключевский утверждал, что истинной причиной булавинского бунта (как и других бунтов Смутного времени) «было насильственное и таинственное пресечение старой династии и потом искусственное восстановление ее в лице самозванцев»¹⁹. То есть суть дела заключалась в недоверии широких слоев населения к наличной власти.

О разинщине и других бунтах времени царя Алексея Михайловича Ключевский писал: «В этих мятежах резко вскрылось отношение простого народа к власти... ни тени не то что благоговения, а и простой вежливости и не только к правительству, но к самому носителю верховной власти» (там же, с. 240), что было вызвано церковной реформой 1653–1667 годов, которая, по убеждению значительной части народа, отвергла истинное Православие.

Далее, «стрелецкие, астраханский, булавинский» бунты Ключевский неразрывно связывает с народным представле-

¹⁸ Зачинщиками всех этих бунтов была обладавшая оружием «казацкая вольница», которая до конца XVIII века, в сущности, видела в Русском государстве своего врага, но бунты приобретали широкий и мощный характер лишь при условии, что к ним присоединялась более или менее значительная часть населения России.

¹⁹ Ключевский В. О. Сочинения. М., 1956–1959. Т. 3. С. 49.

нием о Петре Великом как «антихристе» (т. 4, с. 232).

Что же касается пугачевщины, Василий Осипович дважды и весьма развернуто осмыслил ее причины (см.: т. 5, с. 141–185 и 347–368). Основное можно вкратце изложить следующим образом. До Петра I включительно крестьянство «служило» дворянству, а последнее – царю, то есть государству. Но ко времени Екатерины II дворянство, в сущности, перестало быть «служилым» сословием, и, как писал Ключевский, «крепостное право... потеряло прежний смысл, свое главное политическое оправдание» (с. 141); новое положение вещей воспринималось населением как «незаконное» и подлежащее исправлению путем также «незаконных восстаний» (с. 181), хотя, конечно, немаловажное значение имело объявление Пугачева сумевшим спастись от гибели законным царем Петром III, который и призван покончить с «незаконностью».

Вполне естественно, что в «марксистских» комментариях к цитируемому изданию 1950-х годов Ключевский был подвергнут весьма жесткой критике за непонимание «социально-экономических» причин болотниковщины (см.: т. 3, с. 367), разинщины (там же, с. 365), булавинщины (т. 4, с. 363) и пугачевщины (т. 5, с. 397). Но Ключевский обосновал свои выводы многочисленными и многообразными фактами, и, как уже отмечено, вряд ли можно доказать, что именно в канун всех этих бунтов «эксплуатация» и «гнет» приобретали крайний характер.

Величайший наш поэт-мыслитель Тютчев дал полную глубокого значения «формулу»:

В Россию можно только *верить*²⁰.

Обычно эту «формулу» воспринимают в чисто духовном аспекте: в отличие от других стран (Тютчев, без сомнения, имел в виду страны Запада), совершающееся в России нельзя объяснить рационально («умом»), и остается только верить (или не верить) в нее. Но, как мы видели, Ключевский, по сути, дела толковал мощные бунты как плоды именно утраты веры в наличную Россию. И конечно, особенно важен и впечатляющ тот факт, что в нашем столетии, в 1917 и в 1991 годах, страна претерпела крах не из-за каких-либо мощных бунтов (кровавые конфликты имели место позднее, уже при «новых» властях), а как бы «беспричинно».

Это уместно истолковать следующим образом. Если при всей мощи бунтов XVII–XVIII веков веру в наличную Россию утрачивала тогда определенная часть ее народа, то в XX веке это произошло с преобладающим большинством населения страны, притом во всех его слоях. Ничего подобного нельзя обнаружить в истории Запада, как не было там и мощных «бессмысленных» бунтов. Тем не менее многие идеологи, закрывающие глаза на эти поистине уникальные «феномены» истории России, пытаются толковать ее согласно ев-

²⁰ При цитировании тютчевский курсив часто неоправданно игнорируют.

ропейским «формулам».

Восстания и революции на Западе, о чем уже говорилось, преследовали, как правило, конкретные практические цели. Вот чрезвычайно показательное сопоставление: в 1917 году российского императора побудили отречься от престола уже на третий день после начала переворота, между тем во Франции после мощного восстания 14 июля 1789 года, поскольку определенные прагматические требования восставших были выполнены, король оставался на престоле более трех лет – до 10 августа 1792 года. Напомню цитированные выше суждения французского посла Палеолога о том, что на Западе даже «самые полные изменения» совершаются «постепенно», а в России рушится разом всё.

* * *

Как уже было отмечено, иные нынешние идеологи объявляют Россию вообще «ненормальной», «нежизнеспособной» страной, что, мол, и выразилось в мгновенных крушениях 1917 и 1991 годов. Однако нет оснований относиться к подобным воззрениям как к чему-то серьезному. Страна, чья государственность возникла на рубеже VIII–IX веков, то есть существует 1200 лет, страна, которая уже при Ярославе Мудром, то есть в первой половине XI столетия, занимала территорию, почти равную всей остальной территории Европы, страна, которая породила преподобных Сергия Рад-

нежского и Андрея Рублева, воплотивших в себе то, что с полным основанием зовется «Святой Русью», страна, победившая захвативших ранее почти всю остальную Европу армии Наполеона и Гитлера, страна, создавшая одну из величайших мировых культур²¹, может предстать «нежизнеспособной», с точки зрения чисто «западнических» идеологов, но не реально. Россия не являет собой некое отклонение от западной «нормы»; ее история, по слову Пушкина, «требует другой формулы»; в России, по определению Чаадаева, «другое начало цивилизации».

Иначе, собственно, и не могло быть в силу поистине уникального характера фундаментальных основ бытия России, о которых шла речь в предшествующей главе моего сочинения – «Место России в мире». Во-первых, в тех географических и геополитических условиях, в которых сложились наши государственность и культура, не возникла ни одна другая цивилизация мира; во-вторых, только Россия с самого начала своей истории являет собой евразийскую страну. Между прочим, уже Чаадаев осознал, что «оригинальная Русская цивилизация» – плод слияния «стихий азиатской и европейской» и что монгольское нашествие из Азии, «как оно ни было ужасно, принесло нам больше пользы, чем вреда. Вместо того чтобы разрушить народность, оно только помогало ей

²¹ Вспомним хотя бы несколько имен творцов русской культуры, которые обрели наивысшее признание во всем мире: Достоевский, Толстой, Чехов, Шолохов, Чайковский, Мусоргский, Рахманинов, Шаляпин, Станиславский, Менделеев, Иван Павлов, Капица, Владимир Соловьев, Бердяев, Бахтин.

развиться и созреть»²².

Не в первый раз я опираюсь на суждения Чаадаева, а также его младшего современника Пушкина, и не исключено, что у кого-либо возникнет определенное недоумение: почему первостепенное значение придается суждениям людей, явившихся на свет более двух столетий назад? Не вернее было бы обратиться к позднейшим выразителям отечественного самосознания? Однако мировосприятие Чаадаева и Пушкина, сложившееся, в частности, до раскола русских идеологов на славянофилов и западников, имеет во многом утраченный впоследствии целостный, не деформированный противостоящими пристрастиями характер. Ни Пушкин, ни Чаадаев не впадали в тот – по сути дела примитивный – «оценочный» спор, который начался в «роковые сороковые годы» (по выражению Александра Блока), длится до сего дня и сводится в конечном счете к решению вопроса: что «лучше» – Европа или Россия? Чаадаев и Пушкин, как ясно из всего их наследия, полагали, что Россия не «лучше» и не «хуже»; она – другая.

Конечно, если мерить Россию с точки зрения европейских «норм», она неизбежно предстанет, как нечто «ненормальное». Так, например, в Англии еще с XIII (!) века существовал избираемый населением парламент, по воле которого принимались законы, а на Руси слишком многое зависело от воли – или, как обычно говорится, произвола – великих

²² Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и писем. М., 1991. Т. 2. С. 161, 541.

князей и, позднее, царей, – в особенности, конечно, Ивана IV, получившего прозвание Грозный.

В новейших тщательных исследованиях Р. Г. Скрынникова «Царство террора» (1992) и Д. Н. Альшица «Начало самодержавия в России. Государство Ивана Грозного» (1988) доказано, что при этом царе были казнены от 3 до 4 тысяч человек, преобладающее большинство которых – новгородцы, обвиненные в измене, так как обнаружилась «грамота», согласно которой Новгородская земля намеревалась отдаться под власть короля Польши Сигизмунда II. Р. Г. Скрынников полагает, что это была фальшивка, изготовленная «за рубежом то ли королевскими чиновниками, то ли русскими эмигрантами» (с. 367), но Иван IV поверил ей, и по его повелению началась расправа над новгородцами.

И вот многозначительное сопоставление. Как раз накануне царствования Ивана Грозного в Англии правил король Генрих VIII, получивший прозвание Кровавый (хотя английские историки почти не употребляют это прозвание). При нем, в частности, 72 тысячи человек были казнены за бродяжничество, которое тогда приобрело массовый характер, ибо многие владельцы земель сгоняли с них арендаторов-хлебопашцев, чтобы превратить свои земли в приносящие намного более значительную выгоду овечьи пастбища. Эти казни не были проявлением королевского произвола: закон, по которому пойманного в третий раз бродягу немедленно вешали, принял избранный населением парламент, и, как

говорится, суров закон, но закон...

Можно, конечно, согласиться с тем, что произвол чреват более тяжкими последствиями, чем закон, ибо с легкостью может обрушиться на ни в чем не повинных людей. Но ведь и людей, ставших бродягами из-за «перестройки» в сельском хозяйстве Англии, уместно счесть ни в чем не повинными... А между тем по одному только закону о бродяжничестве за 28 лет правления Генриха VIII было казнено примерно в двадцать (!) раз больше людей, чем за 37 лет правления Ивана IV (притом количество населения Англии и Руси было в XVI веке приблизительно одинаковым).

Поэтому есть достаточные основания признать, что власть закона нельзя рассматривать как своего рода безусловную, непререкаемую ценность, хотя многие люди убеждены в обратном и видят абсолютное превосходство Запада в давно утвердившейся там власти закона.

При этом многие полагают, что именно «дефицит» законности, присущий с давних времен России, привел к громадным жертвам в годы революции. Но это несостоятельное мнение, ибо любая «настоящая» революция означает откровенный отказ и от законов, и от моральных норм. И из объективных исследований английской революции XVII века и французской XVIII – начала XIX явствует, что их жертвы составляли не меньшую долю населения, чем жертвы российской.

Столь же несостоятельно очень широко пропагандируе-

мое (этим еще с 1960-х годов занимались так называемые правозащитники) мнение, согласно которому утверждение власти закона в нашей стране само по себе сделало бы ее подобной Западу. В действительности все обстоит гораздо сложнее.

* * *

Самое, пожалуй, главное отличие России от Запада заключается в том, что в ней отсутствует или, по крайней мере, очень слабо развито общество как самостоятельный и в определенной мере самодовлеющий феномен бытия страны. На Западе, помимо государства и народа, есть общество, которое, несмотря на то, что в него входят различные или даже противостоящие силы, в нужный момент способно выступить на исторической арене как мощная, вобравшая в себя преобладающую часть граждан страны и более или менее единая сила, способная заставить считаться с собой и правительство, и население в целом.

Это утверждение, как нетрудно предвидеть, вызовет возражения или даже недоумение, ибо не только у нас, но и на Западе считается, что именно для России характерны «общинность», «коллективизм», постоянно и ярко выражающиеся в непосредственных взаимоотношениях людей, между тем как люди Запада гораздо более сосредоточены на своих собственных, частных, личных интересах; им в гораздо

большей степени присущ всякого рода «индивидуализм».

Но суть дела в том, что общество, существующее в странах Запада, не только не противостоит частным, личным – в конечном счете, «эгоистическим» – интересам своих сочленов, но всецело исходит из них. Оно предстает как мощная сплоченная сила именно тогда, когда действия правительства или какой-либо части населения страны угрожают именно личным интересам большинства.

Так, например, в ходе начавшейся в 1964 году и продолжавшейся около десяти лет войны США в Индокитае американское общество пришло к выводу, что эта война не соответствует интересам его сочленов и, в сущности, бесперспективна, организовало массовые протесты и заставило власти прекратить ее.

Подобных примеров «побед» общества над правительством в странах Запада можно привести множество. При этом необходимо только ясно осознавать, что дело идет о чисто прагматических интересах сочленов общества; в начале упомянутой войны общество США (за исключением отдельных не очень значительных его сил) отнюдь не возражало против нее и позднее начало активно протестовать не из каких-либо идеологических (например, «гуманных» и т. п.) соображений, а потому, что война предстала в качестве «невыгодной» для населения США.

Приведу еще один характерный пример. В 1958 году генерал де Голль был избран президентом Франции, а в 1965-

м переизбран на второй семилетний срок. При нем страна во многом возродила свой статус великой державы, но именно из «прагматических» соображений считавшийся «отцом нации» де Голль был фактически свергнут французским обществом в ходе референдума 28 апреля 1969 года²³.

Именно воля общества определяет на Западе деятельность парламентов и других избираемых институтов. Между тем уже упомянутый французский посол Палеолог утверждал, что в «самодержавной» России «вне царского строя... ничего нет: ни контролирующего механизма, ни автономных ячеек, ни прочно установленных партий, ни социальных группировок» (цит. соч., с. 56). Это может показаться безосновательным диагнозом, ибо к 1917 году в России имелись и партии, и даже парламент – Государственная дума, существовавшая с 1906 года. Но с западной точки зрения Палеолог все же вполне прав, ибо и Государственная дума, и политические партии, по сути дела, выражали в себе волю неспособного включить в себя большинство населения общества, а интеллигенции²⁴ – этого специфического российско-

²³ Так, большинство населения требовало тогда сокращения рабочей недели до 40 часов, пенсионного возраста – до 60 лет и увеличения минимальной зарплаты до 1000 франков (см.: *Молчанов Н.* Генерал де Голль. М., 1980. С. 473).

²⁴ Вот в высшей степени показательный факт. Партия большевиков до 1917 года насчитывала максимум 8 тысяч членов, хотя она вроде бы была партией многочисленного рабочего класса. На деле ее составляла, в основном интеллигенция. И поскольку менее радикальная интеллигенция была многочисленнее, количество членов либеральной кадетской партии достигало тогда 100 тысяч членов, то есть в 12 раз больше, чем «пролетарская»...

го феномена.

Сошлюсь в связи с этим на свое сочинение «Между государством и народом. Попытка беспристрастного размышления об интеллигенции» («Москва», 1998, № 6, с. 124–137), а здесь скажу только, что интеллигенцию России можно понять как явление, в известной степени аналогичное обществу Запада, но именно аналогичное, а по сути своей принципиально иное, – несмотря на то что большинство интеллигенции вдохновлялось западными идеалами.

Интеллигенция – чисто российское явление; даже сам этот термин, хотя он исходит из латинского слова, заимствовался другими языками из русского. К интеллигенции нередко причисляют всех людей «умственного труда», но в действительности к ней принадлежат только те, кто так или иначе проявляют политическую и идеологическую активность (и естественно, имеют живой и постоянный интерес к политике и т. п.); они действительно образуют своего рода общество внутри России. Но оно кардинально отличается от того общества, которое существует на Западе и в качестве сочленов которого в нужный момент выступает преобладающее или даже абсолютное большинство населения страны. Могут возразить, что мы, мол, еще «нагоним» Запад, и то меньшинство населения, которое являет собой интеллигенция, станет большинством.

Однако *общество* Запада – совершенно иное явление, чем наша интеллигенция; помимо прочего, принадлежность к

нему ни в коей мере не подразумевает причастность к политике, идеологии и т. п., ибо, как уже сказано, это общество основывается на сугубо *частных*, в конце концов «эгоистических», интересах его сочленов, которые сплоченно выступают против каких-либо политических и т. п. тенденций лишь постольку, поскольку эти тенденции наносят или способны нанести ущерб их собственному, личному существованию.

Можно с полным основанием утверждать, что в России (по крайней мере на сегодняшний день) создание общества западного типа немыслимо. Ибо ведь российское интеллигентское «общество» – при всем его пиетете перед Западом – всегда выдвигало на первый план не столько собственные интересы своих сочленов, сколько интересы «народа» (пусть по-разному понимаемые различными интеллигентскими течениями), то есть имело, употребляя модный термин, совсем иной *менталитет*, чем общество Запада.

Правда, ныне есть идеологи, призывающие строить будущее на основе «эгоистических» интересов всех и каждого, но для этого пришлось бы превратить страну в нечто совершенно иное, чем она была и есть.

В силу уникальных (крайне неблагоприятных) географических и геополитических условий и изначальной *многонациональности* и, более того, «евразийства» (также уникального) России²⁵ государство не могло не играть в ней столь же

²⁵ Об этом подробно говорилось в предыдущей главе моего сочинения.

уникально громадной роли, неизбежно *подавляя* при этом попытки создания общества западного типа, основанного на «частных» интересах его сочленов.

И «осуждение» «деспотической» государственности России, которым занимались и занимаются многие идеологи, едва ли основательно; тогда уж следует начать с осуждения тех наших древнейших предков, которые двенадцать столетий назад создали изначальный центр нашего государства – Ладогу (впоследствии Петр Великий построил поблизости от нее Петербург!) – не столь уж далеко от Северного Полярного круга, а несколько позже основали другой центр – Киев – около Степи, по которой народы Азии беспрепятственно двигались в пределы Руси...

* * *

Как представляется, «осуждать» исключительную роль государства в России бессмысленно: это положение вещей не «плохое» (хотя, конечно же, и не «хорошее»), а *неизбежное*. Вместе с тем нельзя не признать (и никакого «парадокса» здесь нет), что *именно этой ролью* нашего государства объясняются его стремительные крушения и в 1917-м, и в 1991 годах.

Те лица, которые так или иначе руководили Февральским переворотом 1917 года, полагали (это ясно из множества их позднейших признаний), что на их стороне выступит рос-

сийское общество, которое после свержения «самодержавия» создаст новую любезную ему власть западного типа – с либеральным правительством, контролируемым парламентом и т. п. Но такого общества в России попросту *не имелось*, и вместо созидания нового порядка после Февраля начался *хаос*, который позднее был посредством беспощадного насилия прекращен гораздо более деспотичной, нежели предшествующая, имперская, властью, установленной в СССР.

Между прочим, прозорливый государственный деятель, член Государственного совета П. Н. Дурново писал еще в феврале 1914 года, что в результате прихода к власти интеллигентской «оппозиции», полагавшей, что за ней – сила общества, «Россия будет ввергнута в беспросветную анархию», ибо «за нашей оппозицией нет никого. Наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет».

Это со всей очевидностью подтвердила судьба Учредительного собрания: только *четверть* участников выборов отдала свои голоса большевикам, но когда последние в январе 1918 года «разогнали» это собрание, никакого сопротивления не последовало, то есть общество как реальная сила явно отсутствовало...

Обратимся к 1991 году. Подавляющее большинство населения СССР не желало его «раздела», о чем неоспоримо говорят итоги референдума, состоявшегося 17 марта 1991 года. В нем приняли участие почти три четверти взрослого на-

селения страны, и 76 % (!) из них проголосовали за сохранение СССР.

Едва ли возможно со всей определенностью решить вопрос о том, почему это внушительнейшее большинство не желало распада страны – в силу идеологической инерции или из-за понимания или хотя бы *предчувствия* тех утрат и бедствий, к которым приведет ликвидация великой державы. Но так или иначе ясно, что *общества*, способного проявить свою силу, в стране не было, ибо в августе 1991-го ГКЧП, чьи цели соответствовали итогам референдума, не получил никакой реальной поддержки, а «Беловежское соглашение» декабря того же года не вызвало ни малейшего реального сопротивления...

В начале этого размышления речь шла об идеологах, которые считают существование СССР непонятно каким образом продолжавшейся три четверти столетия *утопией*; однако именно проект превращения России в страну западного типа является заведомо *утопическим*.

Нынешние СМИ постоянно вещают о *единственном*, но якобы вполне реализованном в России западном феномене – *свободе слова*. Есть основания согласиться, что с внешней точки зрения мы не только сравнялись, но даже превзошли в этом плане западные страны; так, СМИ постоянно и крайне резко «обличают» любых властных лиц, начиная с президента страны. Но *слово*, в отличие от Запада, не переходит в *дело*. Из-за отсутствия обладающего реальной силой *общества*

эта свобода предстает как чисто формальная, как своего рода игра в свободу слова (правда, игра, ведущая к весьма тяжелым и опасным последствиям – к полнейшей дезориентации и растерянности населения). Возможно, мне возразят, указав на отдельные факты отставки тех или иных должностных лиц, подвергнутых ранее резкой критике в СМИ. Но едва ли есть основания связывать с этой критикой, скажем, быстро-течную (совершившуюся в продолжение немногим более года) смену четырех *глав* правительства страны в 1998–1999 годах; для населения эти отставки были не более или даже, пожалуй, менее понятными, чем в свое время подобного рода отставки в СССР.

Впрочем, и сами СМИ постоянно утверждали, например, что страной реально и поистине неуязвимо управляет малочисленная группа лиц, которую называют «семьей» (причем, в отличие от состава верховной власти в СССР, даже не вполне ясен состав сей группы).

Многие, причем самые разные, идеологи крайне недовольны таким положением вещей. Однако в стране, где отсутствует *общество*, иначе и не могло и не может быть. И беда заключается вовсе не в самом факте наличия в стране узкой по составу верховной власти, а в том, *куда* и *как* она ведет страну. Начать с того, что власть – как это ни дико – занималась, по сути дела, *самоуничтожением*, ибо из года в год уменьшала *экономическую* мощь государства. Даже в США, которые можно назвать наиболее «западной» по сво-

ему устройству страной, государство (в лице федерального правительства) забирает себе около 25 % валового национального продукта (ВВП) и распоряжается этим громадным богатством (примерно 1750 млрд долл.) в своих целях (еще около 15 % ВВП вбирают бюджеты штатов). Между тем бюджет РФ в текущем году составляет, по официальным данным, всего лишь 10 % ВВП!

И другая сторона дела, в сущности также оставляющая дикое впечатление. Сама реальность российского бытия заставила президента и его окружение сосредоточивать (или хотя бы пытаться сосредоточивать) в своих руках всю полноту власти. Однако в то же время эта «верхушка» – в конце концов однотипная с той, которая правила СССР (разумеется, не по результатам деятельности, а по своей «властности»), – утверждала, что РФ необходимо превратить в страну западного типа и даже вроде бы предпринимала усилия для достижения сей цели, хотя, как уже сказано, из-за отсутствия в стране *общества* цель эта заведомо утопична.

* * *

И последнее. Вначале было отмечено, что достаточно широко распространено представление, согласно которому крушение 1991 года – результат «победы» Запада в «холодной войне» с СССР. Как известно, подобным образом толкуется нередко и крах 1917 года, который был-де вызван неуспеха-

ми (подчас говорят даже о «поражении») России в длившейся уже более двух с половиной лет войне.

Нет сомнения, что война сыграла очень весомую роль в Февральском перевороте, но она все же была существеннейшим *обстоятельством*, а не *причиной* краха. Следует, помимо прочего, учитывать, что неудачи в войне сильно преувеличивались ради дискредитации «самодержавия». Ведь враг к февралю 1917 года занял только Царство Польское, часть Прибалтики и совсем уж незначительные части Украины и Белоруссии. А всего за полгода до Февраля завершилось блестящей победой наше наступление в южной части фронта, приведшее к захвату земель Австро-Венгерской империи (так называемый Брусиловский прорыв).

Стоит в связи с этим вспомнить, что в 1812 году враг захватил Москву, в 1941-м стоял у ее ворот, а в 1942-м дошел до Сталинграда и Кавказского хребта, но ни о каком перевороте не было тогда и речи. Так что война 1914–1917 годов – способствовавшая (и очень значительно) ситуация, а не причина краха. Суть дела была, о чем уже говорилось, в той утрате *веры* в существующую власть преобладающим большинством населения (и, что особенно важно, во всех его слоях, включая самые *верхние*), – утрате, которая ясно обнаружилась и нарастала с самого начала столетия.

Другое дело, что война была всячески использована для разоблачения власти – вплоть до объявления самых верховных лиц вражескими агентами, чем с конца 1916 года зани-

мался не только либерально-кадетский лидер П. Н. Миллюков, но и предводитель монархистов В. М. Пуришкевич!

Едва ли верно и представление о том, что крах 1991 года был по своей сути поражением в «холодной войне», хотя последняя, несомненно, сыграла весьма и весьма значительную роль. Она длилась четыре с половиной десятилетия и даже еще при Сталине пропаганда западных «радиоголосов», несмотря на все глушилки, доходила до миллионов людей. И вполне можно согласиться с тем, что достаточно широкие слои *интеллигенции*, которая и до 1917 года и после как бы не могла не быть в оппозиции к государству (ведь, как говорилось выше, она – своего рода аналог *общества*, которое в странах Запада всегда готово противустать государству), «воспитывались» на западной пропаганде. Но, как представляется, нет оснований считать «западническую» интеллигенцию *решающей* силой, те или иные действия которой привели к крушению СССР. Решающее значение имело, пожалуй, *бездействие* почти 20 миллионов членов КПСС, из которых только треть имела высшее образование (к тому же – об этом уже шла речь – далеко не всякий получивший образование человек принадлежит к тому идеологически активному слою, который называется интеллигенцией). Эта громадная «армия», которой в тот момент, кстати сказать, фактически ничто не угрожало, без всякого заметного сопротивления сошла со сцены, что уместно объяснить именно утратой веры в наличную власть, к которой они в конечном счете

были причастны как члены «правящей» партии²⁶.

Это толкование, конечно же, предстанет в глазах множества людей, в сознание которых внедрено принципиально *политико-экономическое* объяснение хода истории в качестве «ненаучного». Но необходимо напомнить, что сам Карл Маркс признавал, что его «материалистическое понимание истории» основывалось на изучении истории *Англии* и полностью применимо только к *ней*. А в Англии парламент, выражавший *прагматические* (то есть прежде всего экономические) интересы индивидов, составляющих общество, существовал еще с XIII века; не раз писал Маркс и о том, что в странах *Азии* (и, добавлю от себя, в России-Евразии) дело обстояло принципиально по-иному.

И в высшей степени показательно, что те представители западной философии истории, которые стремились основываться на осмыслении опыта не только Запада, но и мира в целом – как, например, широко известный англичанин Арнольд Тойнби, – отнюдь не склонны к политико-экономическому пониманию исторического развития России.

Я стремился доказать, что основой стремительного крушения, которое пережила около десятилетия назад наша страна, явилась не политико-экономическая реальность того времени, а своего рода извечная «специфика» России-Евразии.

²⁶ Стоит отметить, что после 1991 года появился целый ряд литературных сочинений и кинофильмов (иные из них доньше демонстрируются на телеэкране), в которых изображались опаснейшие коммунистические заговоры против новой власти, но все это было чистейшей фантастикой.

зии, каковая со всей очевидностью обнаружила себя еще четырьмя столетиями ранее – в пору так называемого Смутного времени. Конечно, не менее важен и вопрос о том, *почему* к 1991 году была *утрачена* вера большинства населения в СССР. Но об этом – в следующей главе.

СССР: подъем – упадок – утрата веры

В предыдущей главе крушение СССР (как и ранее Российской империи) было объяснено утратой большинством населения *веры* в наличную страну, и вместе с тем говорилось, что в глазах многих людей это объяснение предстанет в качестве лишённого «научности», ибо господствует мнение, согласно которому ход мировой истории и, в особенности, кардинальные исторические сдвиги определяются прежде всего и главным образом *экономическими* причинами.

Но если можно – хотя и не безоговорочно – согласиться с тем, что в странах Запада дело обстоит именно так, подобное истолкование истории России является в конечном счете результатом заимствования западных концепций – прежде всего, понятно, марксистской. Следует вспомнить и о том, что *общество*, играющее первостепенную роль в бытии стран Запада (но фактически отсутствующее в России), основывается именно на *экономических* интересах его сочленов.

Но вот многозначительный, даже, так сказать, «сенсационный» факт. Не столь давно у нас было впервые опубликовано сочинение Карла Маркса (оно называется «Разоблачения дипломатической истории XVIII века»), в котором охарактеризовано многовековое историческое развитие России. Однако, как это ни неожиданно, *экономические* проблемы вообще не затрагиваются в данном сочинении; все сво-

дится к чисто политическим и идеологическим проблемам. Осмысляя путь русской истории от Рюрика до Петра I и утверждая, что и далее (то есть до середины 50-х годов XIX века, когда было написано сочинение) этот путь остался по своей сути таким же, Маркс ровно ничего не говорит о развитии «производительных сил» и соответственных изменениях «производственных отношений» и т. п.

Он констатирует, в частности, что к концу правления Ивана III «Европа... была ошеломлена внезапным появлением на ее восточной границе огромной империи, и сам султан Баязид²⁷, перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвитя». И далее корифей «материалистического (то есть экономического) понимания истории» говорит об Иване III:

«Православное вероисповедание служило вообще одним из самых сильных орудий в его действиях». И добавляет: «Между политикой Ивана III и политикой современной (то есть России 1850-х годов. – В. К.) существует не сходство, а тождество».

По-своему прямо-таки замечательно следующее обобщающее суждение «материалиста» Маркса о России: «Она является *единственным в истории* (выделено мной. – В. К.) примером огромной империи, само могущество которой, даже после достижения мировых успехов, всегда скорее при-

²⁷ Правил в 1481–1512 годах; при нем Турция захватила значительную часть Европы.

нималось на веру (вспомним тютчевское: „В Россию можно только *верить*“! – В. К.), чем признавалось фактом».

Вполне закономерно, что цитируемое сочинение было опубликовано на русском языке только в 1989 году (см.: «Вопросы истории», № 1–4): слишком уж оно противоречит тому, что писали об истории своей страны российские марксисты!

А ведь сам Маркс со всей определенностью заявил, что его экономическое толкование истории вполне соответствует развитию одной только Англии, а для других, даже европейских, стран нужны известные корректировки и оговорки...

И, если вдуматься, «применение» к нашей истории марксизма – как, впрочем, и других западных концепций «экономического» характера – оказывается чем-то искусственным или даже с очевидностью искажающим реальность. Так, например, сложившееся на Западе в период раннего средневековья крепостничество по мере развития «производительных сил» начинает ограничиваться и отмирать; между тем российское *крепостничество* действительно утвердилось только в *конце XVI века* и приобретает наиболее широкий характер при Петре I! А ведь едва ли можно сомневаться в том, что «производительные силы» со времен Рюрика и до Петра весьма значительно развились...

Напомню также, что восстания населения на Западе, как правило, преследовали конкретные *экономические* це-

ли; между тем сотрясавшие Россию мощные бунты были, по слову Пушкина, «бессмысленными», то есть не имевшими прагматических целей и, как убедительно доказывал Ключевский, порождались утратой веры в наличную Россию.

Необходимо со всей определенностью пояснить, что, говоря об утратах веры как причинах отечественных потрясений, я не имею в виду именно и только веру (или, в соответствии с традиционным написанием, Веру) в собственном религиозном смысле слова, хотя в какой-то степени и этот смысл присутствовал во всех российских катаклизмах. В России *вера* – о чем свидетельствует, в частности, словарь В. И. Даля, в котором представлено более семидесяти образований от слова «вера», – понятие очень емкое и многосмысленное.

Приведу здесь несущее в себе, на мой взгляд, глубокое содержание стихотворение, опубликованное в составленной мною части книги «Лучшие стихи года», изданной в Москве как раз в 1991 году. Его автор, наиболее, пожалуй, значительная современная поэтесса Светлана Сырнева, родилась в 1957 году в семье сельских учителей «захолустного» Вятского края²⁸. Отца ее матери, священника, в начале 1930-х годов объявили «лишенцем», то есть бесправным, и он вынужден был вместе с семьей покинуть родные места; после кончины дочь его вернулась в вятскую отчину, но должна была

²⁸ Отмечу, что речь идет о 57° северной широты – географической зоне, которая, кроме России, является почти необитаемой...

многие годы скрывать свое происхождение. А рано овдовевшую мать отца Сырневой, которая принадлежала к крепкой крестьянской семье (к тому же имевшей родственников-купцов), тогда же, в 1930-х, «раскулачили», о чем также долго старались не вспоминать...

Начавшая свою жизнь рядом с затерянной в вятских лесах деревенской школой Светлана Сырнева в конце концов узнала и осмыслила драматическую судьбу своей семьи, и тем не менее из-под ее пера вылилось стихотворение под заглавием «*Прописи*»:

Помню: осень стоит неминуемая,
Восемь лет мне, и за руку – мама:
«Наша Родина – самая лучшая
И богатая самая».
В пеших далях – деревья корявые,
Дождь то в щеку, то в спину,
И в мои сапожонки дырявые
Заливается глина.
Образ детства навеки -
Как мы входим в село на болоте.
Вон и церковь с разрушенным верхом
Вся в грачином помете.
Лавка низкая керосинная
На минуту укроет от ветра.
«Наша Родина самая сильная,

Наша Родина самая светлая».
Нас возьмет грузовик попутный,
По дороге ползущий юзом,
И опустится небо мутное
К нам в дощатый гремучий кузов.
И поет во все хилые ребра
Октябрятский мой класс бритолобый:
«Наша Родина самая вольная,
Наша Родина самая добрая».
Из чего я росла-прозревала,
Что сквозь сон розовело?
Скажут: обворовала
Безрассудная вера.
Ты горька, как осина,
Но превыше и лести и срама -
Моя Родина, самая сильная
И богатая самая.

Обратим внимание на словосочетание в предпоследнем четверостишии: «*безрассудная вера*». Это все та же линия: «умом Россию не понять» и «в Россию можно только *верить*». И еще напомним написанное Пушкиным за сто дней до его гибели: «...наша общественная жизнь – грустная вещь» (в предыдущей главе речь шла о фактическом отсутствии *общества* в России). И все же непреклонно противостояние Поэта: «...я далеко не восторгаюсь всем, что вижу

вокруг себя... но, клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме... такой, какой нам Бог ее дал».

Протягивая нить от Пушкина и Тютчева к стихотворению нашей современницы, я имею в виду не путь Поэзии, а путь людей, никогда не утрачивавших веру в Россию. Примерно на половине исторического пути от пушкинского до нынешнего времени, незадолго до 1917 года, Александр Блок написал общеизвестные строки:

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые²⁹
Как слезы первые любви!

И речь идет только о том, что родившаяся в 1957-м внучка священника-«лишенца» и «раскулаченной» крестьянки не утратила веры в Россию (пусть и в облики СССР).

Но, увы, таких людей к 1991 году было в стране не столь уж много... Светлана Сырнева писала мне 27 марта 1992 года, что «молодая вятская поэтическая поросль уже склонна считать меня обломком соцреализма».

Для сохранения присущей Светлане Сырневой веры в самом деле необходима иррациональная («безрассудная») убежденность:

²⁹ Ср.: «Лавка... на минуту укроет от ветра...»

Ты горька, как осина.
Но превыше и лести и срама -
Моя Родина, самая сильная
И богатая самая.

Без людей, проникнутых этой убежденностью (несмотря даже на тяжкие испытания, выпавшие на долю их семей и их самих), Россия вообще едва ли бы прожила 1200 лет, но такие люди всегда были и есть, и главная надежда на них...

Как не раз говорилось, истинная причина крушения СССР не в тогдашнем состоянии *экономики* страны (хотя те или иные кризисные явления, например товарный «дефицит», конечно, играли существенную роль). И многочисленные нынешние идеологи, которые утверждают, что в период перед крушением в СССР не было роста или даже происходило снижение уровня и качества жизни, попросту закрывают глаза на реальное положение вещей.

Так, например, в стране с конца 1950-х до начала 1990-х годов осуществлялось поистине грандиозное жилищное строительство – за год вводилось в действие не менее 100 млн, а в конце 1980-х более 130 млн кв. метров отапливаемой жилой площади. И если всего лишь за треть столетия до 1991 года абсолютное большинство населения обитало в тесных, набитых битком коммуналках, бараках и лишенных каких-либо «удобств» избах, и на душу приходилось не бо-

лее 5 кв. м, то к 1991 году, несмотря на увеличение количества населения за указанный период почти на 40 % (!), имелось уже около 16 кв. м на душу населения, абсолютное большинство городских и очень значительная часть сельских жилищ располагало электричеством, газом, водопроводом, канализацией и т. п. К тому же затраты населения на оплату жилья и всех связанных с ним услуг были крайне незначительными.

Могут возразить, что в США на душу населения приходилось тогда в три с лишним раза больше жилой площади, чем в СССР (49 кв. м), но это сопоставление, мягко выражаясь, некорректно. Северная граница США (не считая почти безлюдной Аляски) проходит по широте Южной Украины и Нижнего Поволжья, а южная граница – уже в *тропической* зоне. И 75 % (!) населения США живут в домах, построенных из фанеры и картона. У нас в таких домах можно жить, понятно, лишь в летние месяцы; в связи с этим, между прочим, в США производится в два раза меньше цемента, чем в СССР, но почти в десять раз *больше* фанеры и картона (см. обо всем этом мою статью в № 12 журнала «Новый мир» за 1998 год). Словом, для того, чтобы «догнать» США по количеству жилой площади, нам, в сущности, пришлось бы изменить климат своей страны...

О том, сколь значительно, если выразиться официальным языком, «улучшились жилищные условия» в период с конца 1950-х до 1991 года, не мог не знать по своему личному

опыту любой человек, который (пусть хотя бы еще в отроческом возрасте) застал начало этого периода, когда, скажем, отдельная благоустроенная квартира для семьи – пусть и самая тесная – считалась чуть ли не роскошью.

Конечно, «жилищная проблема» – только одна сторона дела, но она неоспоримо свидетельствует, что нет оснований для утверждений (достаточно широко бытующих) о якобы нараставшем *ухудшении* материальных условий жизни, которое-де и привело страну к краху. Вообще невозможно отрицать, что уровень и качество жизни в *последнее* десятилетие существования СССР были намного *выше*, чем во все предшествующие десятилетия после 1917 года.

Правда, в «высокоразвитых» странах, где проживали 15 % населения планеты, дело обстояло значительно или даже гораздо лучше, чем в СССР (об основных причинах этого речь шла выше). И весьма часто утверждают, что причиной крушения СССР явилось именно резкое недовольство населения «отставанием» с точки зрения жизненного уровня от «высокоразвитых» стран. Однако при этом истинную *причину*, в сущности, подменяют ее *следствием*, ибо активное и широкое превознесение «высокоразвитых» стран началось *после*, а не *до* крушения СССР. В частности, все главные апологеты Запада (Яковлев, Гайдар, Чубайс и т. п.) вплоть до 19 августа 1991 года являлись более или менее высокопоставленными деятелями КПСС и, естественно, не превозносили «капстраны».

Конечно, в тех или иных кругах этим превознесением занялись раньше, но чрезвычайно выразительно имевшее хождение еще до «перестройки» остроумное изречение: «Мы хотим работать так, как мы работаем, а жить – как живут они». Если вдуматься, эта вроде бы чисто анекдотическая фраза несет в себе весьма серьезный смысл, ибо в наших климатических и геополитических условиях люди, даже если бы и «хотели», *не могут* работать так, как в гораздо более благоприятных условиях высокоразвитых стран, где, например, не нужно многомесячное интенсивное отопление производственных помещений и где круглый год осуществляется наиболее дешевая транспортировка грузов по водным путям, а сельскохозяйственный сезон длится не 4–6, как в России, а 8–9 месяцев и т. п.

* * *

Попытаемся уяснить действительную причину крушения СССР – страны, после Победы 1945 года ставшей одной из двух великих держав мира, в политической и экономической сферах которой так или иначе, в той или иной степени находилось к 1960-м годам около *половины* (!) населения планеты, и простиралась эта сфера от Кореи на востоке до Кубы на западе, от Финляндии на севере до Анголы на юге. Правда, в ходе экономического, политического или даже военного противоборства те или иные страны, так сказать, перехо-

дили из рук в руки, либо утверждали свой особый статус, либо избирали «нейтралитет» и т. п., но тем не менее роль СССР на мировой арене в течение длительного периода была воистину колоссальной и в тех или иных аспектах превосходила роль США.

Ныне от этой роли, в сущности, не осталось и следа, но, взглядываясь в мировую историю, нетрудно понять, что в таком обороте дела нет ничего необычного (другой вопрос – крушение самого СССР в ситуации, когда не было ни войны с внешним врагом, ни восстания внутри страны, ни какой-либо иной катастрофы; вот это уж действительно нечто исключительное, уникальное).

В истории основных стран Европы периоды высшего *подъема* не раз сменялись периодами *упадка* – подчас крайнего. Так, после эпохи величия созданной германцами Священной Римской империи, в сущности правившей всей Европой, Германия переживает длительный упадок и даже разваливается на десятки разнородных государственных образований.

Позднее в качестве первой державы мира, которая не только подчинила себе значительную часть Европы, но и большие территории в Америке и Азии, выступает Испания, но спустя столетие и она утрачивает первостепенную роль.

В XVIII – начале XIX века первенствует Франция, но затем ее значение становится заведомо второстепенным, а в нашем столетии это произошло с Великобританией (гордо

распевавшей «Правь, Британия...») – даже еще до потери ею большинства ее колоний.

Осмысление этих смен подъема и упадка заняло бы слишком много места, ибо каждая из них имела свой конкретный характер и смысл. Но в самом общем плане уместно сказать, что «первенствующие» страны, во-первых, *перенапрягали* и распыляли свои силы, и во-вторых, их великие достижения порождали своего рода *самоуспокоенность*, мешавшую предвидеть и предотвратить надвигающийся упадок.

Выражаясь попросту, любая *победа* таит в себе и определенную *беду*, что с особенной наглядностью проявляется в *научно-технических* достижениях, каждое из которых имеет свою *негативную* оборотную сторону (от атомных электростанций, способных обернуться Чернобылем, до антибиотиков, побеждающих многие болезни, но ведущих к опаснейшему ослаблению иммунитета...).

Неоспорима (несмотря на все бедствия и те или иные поражения) *победоносность* нашей истории в период, скажем, от Сталинградской битвы (конец 1942 – начало 1943) до космического полета Юрия Гагарина (12 апреля 1961), – и то и другое, кстати, получило совершенно исключительный резонанс во всем мире.

Стоит отметить, что, если иметь в виду период с 1943 по 1961 год (выше шла речь об исключительной роли СССР в это время на мировой арене), утверждения многих нынешних идеологов о принципиальной-де нежизнеспособности

политико-экономического строя СССР предстают как очевиднейшая нелепость.

Уместно обсуждать вопрос о том, что страна *стала* нежизнеспособной к 1990-м годам, но распространение сего диагноза на ее историю в целом – попросту несерьезное занятие.

Мне, вероятно, напомнят еще, что победа 1945 года стоила громадных жертв, – но великие победы вообще немислимы без великих потерь. И нельзя не сказать еще, что, согласно новейшим скрупулезным подсчетам, потери нашей армии умершими и пленными, преобладающее большинство которых было фактически доведено до смерти во вражеских концлагерях, были гораздо более значительными в период наших тяжких поражений, в 1941-1942-м, а не в период победных 1943-1945-го. 60 % наших потерь приходится на первые 18 месяцев войны, а на последующие 28 месяцев – 40 %, то есть в 1941–1942 годах средние потери в течение месяца в два раза (!) превышали средние потери победных месяцев.

Но вернемся к теме «подъем-упадок». Хотя, по всей вероятности, нелегко принять следующий тезис, но именно *победоносность* СССР, ярко выразившаяся во многих событиях и явлениях 1943–1961 годов, была основной причиной последующего «упадка».

Ибо, во-первых, в ходе побед, конечно же, имело место чреватое тяжкими последствиями *перенапряжение* сил. В связи с этим иные идеологи говорят теперь, например, о том,

что нам в 1945 году следовало только изгнать врага из пределов страны и не брать на себя тяжелейшую задачу полного его разгрома; о том, что не надо было рваться первыми в космос и т. п. Но такого рода суждения вполне уместно сравнить с увещаниями, обращенными не к стране, а к какому-либо отдельному человеку, посвятившему жизнь труднейшему и опасному делу: вот, мол, глупец, занялся бы чем-либо не требующим сколько-нибудь значительных усилий и не связанным с риском, – и здоровье бы сохранил и прожил дольше...

Во-вторых, цепь грандиозных побед СССР внушила убежденность, что все, в общем и целом, идет совершенно правильно, и нет оснований проектировать и осуществлять сколько-нибудь широкие и глубокие преобразования бытия и сознания страны, и в 1964 году началась так называемая эпоха застоя. Правда, те или иные преобразования время от времени планировались, но, по сути дела, не реализовывались. И поскольку верховная власть, как и ранее, держала в своих руках экономику, политику и идеологию, определенное ее *бездействие* (кроме усилий, направленных на сохранение статус-кво) неизбежно вело к вырождению, которое выразилось во множестве различных тенденций и явлений того периода, но достаточно, полагаю, сказать об одном – о «культе» Брежнева.

Речь идет отнюдь не о характере и роли самого этого человека, а о том, что в его лице так или иначе выразалось в глазах населения «лицо» тогдашнего СССР. Леонид Ильич явно не был склонен к каким-либо существенным инициативам, и естественно сделать вывод, что как раз поэтому его избрали в 1964 году первым секретарем ЦК. В 1966-м Брежневу присвоили уже и «сталинский» титул Генсека и постепенно присудили все имевшиеся высшие награды и звания, а также сочинили ему пространные мемуары, которые предписывалось изучать начиная со школьных лет и т. п.

С середины 1970-х годов тяжелобольной Генсек (он скончался в конце 1982-го) был фактически недееспособен и к тому же зачитывал подготовленные для него доклады с великим трудом и косноязычно. Население всех слоев сверху донизу, не приглушая голоса, рассказывало бесчисленные унизительные анекдоты о Генсеке и с хохотом слушало культивируемое многими подражание его косноязычной речи. Помню, как на рубеже 1970-1980-х годов в многолюдной компании, где было несколько детей и подростков, один – имевший, кстати, немаловажное официальное положение – деятель занялся (и, надо сказать, довольно удачно) таким передразниванием, и я (хотя, понятно, ни в коей мере не был поклонником Брежнева) предложил прекратить это занятие

ради юных слушателей, которые в результате скорее всего потеряют веру во власть и, в конечном счете, в свою страну...

Повторю еще раз, что дело вовсе не в самом Леониде Ильиче, а в вырождении власти в целом, которая ведь создавала совершенно фарсовый брежневский культ, бывший, конечно, только одним из проявлений общего положения вещей, но все же весьма и весьма существенным. Трудно усомниться в том, что Брежнева – особенно после резкого ослабления его здоровья – можно было сместить с его верховного поста, как в свое время сместили Хрущева. Но власть, полагавшую, что никакие значительные преобразования не нужны, очевидно, вполне устраивал недееспособный Генсек.

В результате происходил нарастающий подрыв веры во власть, то есть, в конечном счете, в наличную страну, который и явился, как представляется, истинной причиной крушения СССР. Масса идеологов, о чем уже говорилось, усматривает причину в нежизнеспособности самого политико-экономического строя, сложившегося в СССР, – строя, который, мол, в принципе невозможно было реформировать, только уничтожить. Между тем с 1917 года совершались существеннейшие изменения в экономике и политике; напомним, что сменили друг друга военный коммунизм, НЭП, коллективизация, решительный предвоенный поворот от «революционности» к государственности и, наконец, активнейшее хрущевское «реформаторство», которое во мно-

гом являло собой своего рода реанимацию «революционности» (см. об этом подробно в моем, изданном в 1999 году, двухтомном сочинении «Россия. Век XX»).

При этом в высшей степени важно осознать, что и эта хрущевская «революционность» (официально осужденная в 1964 году как «волюнтаризм») была основана на убежденности в исключительной, как бы даже безграничной мощи страны, которую она с очевидностью продемонстрировала в период от Сталинградской победы до опередившего США прорыва в космос. Вот весьма многозначительное сопоставление, обнаруживающее возрастание этой убежденности: когда в 1948 году Югославия выходила из-под эгиды СССР, какое-либо военное вмешательство даже и не планировалось, но когда восемь лет спустя нечто аналогичное происходило в Венгрии, была предпринята полномасштабная военная операция (мы, мол, теперь все можем и никого не опасаемся). И другое сопоставление этого же характера: в 1950 году войска США вторглись в Северную Корею, но СССР, как известно, не только не ответил тем же, но, напротив, свел свое военное присутствие в Корее до минимума. Между тем в 1962 году, когда Кубе угрожало нападение США, туда – через океан! – были отправлены значительные военные силы с ядерным оружием!

Своего рода «самоупоеение» выразилось и в хрущевской программе «догнать и перегнать Америку» в сфере сельского хозяйства, и в ширившемся чрезвычайно дорогостоящем

соревновании с той же Америкой в деле овладения космосом, и в стремлении полновластно «руководить» Китаем и т. п. Между тем в 1963 году СССР вынужден был (впервые в истории!) закупить за рубежом миллионы тонн зерна, состязание в космосе уже в 1960-х годах выиграла США, отношения с Китаем стали к 1963 году открыто враждебными...

И 14 октября 1964 года состоялось «свержение» Хрущева за его «волютаризм». И тогда, и до сего времени все «прочеты» безосновательно приписывают его *личной* воле. Это восходящее к сталинским временам понимание хода истории (правда, сначала «личности» приписывают все победы, а затем все беды, но это не меняет существа дела: перед нами тот же самый «культ», пусть и «наизнанку»...). На деле же – несмотря на те или иные критические выступления против Хрущева – его «революционный энтузиазм» до поры до времени разделяла власть в целом и, в определенной мере, сама страна (см. об этом в моем уже упомянутом сочинении «Россия. Век XX»).

Множество авторов, рассуждая о том же хрущевском времени, обожают предлагать «альтернативы»: вот, мол, если бы Хрущев и другие повели дело не так, а этак, все было бы превосходно. Однако это не более чем бессодержательная риторика. При том положении, которое занимал в мире СССР к началу 1960-х годов, дело явно не могло идти иначе. В частности, известный выкрик, обращенный к Западу, – «Мы вас закопаем!» – был по своей дикой *форме* проявлением лич-

ности Хрущева, но суть его наверняка поддерживали тогда самые широкие слои населения СССР...

В устранении Хрущева и избрании на его пост «безынициативного» Брежнева в конечном счете выразилось осознание (пусть даже и не очень уж ясное) людьми власти опасности решительных радикальных действий и жестов – несмотря на все величие победоносного СССР. И есть все основания утверждать: подъем тогда уже сменялся упадком, что ясно выразилось, например, и в закупке зерна за рубежом, и в потере такого союзника, как Китай...

Новая – «застойная» – власть явно поставила перед собой задачу сохранять статус-кво, избегая существенных сдвигов в каком-либо направлении и так или иначе пресекая или хотя бы оставляя без внимания стремление тех или иных людей настаивать на основательных преобразованиях. И естественно видеть в этом «охранном» курсе реализацию по-своему разумной точки зрения: ведь, несмотря на начавшийся «упадок», страна еще являлась несомненной великой державой, и было не только рискованно, но и вроде бы незачем колебать ее устои, особенно если учитывать итоги «волюнтаризма» хрущевского времени. Но «охранный» курс означал и *удовлетворенность* тем, что есть, которая оборачивалась бездействием, а эта «тенденция» вместе с предшествующим перенапряжением сил победной страны – характернейшие проявления «упадка».

И в сам период «застоя», и в наши дни многие утвержда-

ли и утверждают, что власть тогда стремилась восстановить «сталинские» порядки. Но это едва ли хоть сколько-нибудь основательное мнение. Можно допустить, что отдельные люди власти пытались предпринимать нечто подобное – например, избранный через месяц после «свержения» Хрущева, 10 ноября 1964 года, членом Президиума ЦК А. Н. Шелепин, бывший в 1958–1961 годах председателем КГБ и получивший позднее прозвание «железный Шурик». Однако вполне закономерно, что менее чем через три года, 26 октября 1967-го, он был фактически устранен из верховной власти: его сместили с поста председателя Комитета партийно-государственного контроля и поручили ведать профсоюзами...

Несостоятельность версии о якобы возможном возврате к «сталинизму» особенно ясна из того, что время Сталина – это ведь время кардинальных *сдвигов* и решительных *действий*, а в «эпоху застоя» таких сдвигов и действий неукоснительно старались избегать.

Более того: если бы предполагаемый «наследник» Сталина Шелепин или кто-нибудь подобный ему даже сумел бы взять в руки полноту власти, никакой «неосталинской» эпохи все равно не получилось бы, ибо и историческая ситуация, и сама страна были уже совершенно иными, чем в 1930-м – начале 1950-х годов. Так, например, целенаправленно создаваемый культ Генсека Брежнева в известной степени соответствовал модели сталинского, но в результате полу-

чился, как уже отмечено, не героический (и, конечно, трагический), а чисто фарсовый культ...

* * *

В глубоком упадке страны после ее высокого подъема нет – о чем уже шла речь – ничего необычного. То же самое происходило в обретавших на какое-то время первостепенную роль странах Запада, и упадок *коренился* именно в предшествующем подъеме; это, в сущности, своего рода всеобщая закономерность.

Собственно «русским» было то *стремительное* крушение, к которому в конце концов привел упадок страны, и которое, как представляется, обусловлено прежде всего отсутствием общества: в СССР имелись только власть и население. Итоги мартовского референдума 1991 года ясно свидетельствовали, что преобладающее большинство людей, исходя из тех или иных своих интересов, было против распада страны, но когда он состоялся, никакое *сопротивление* не имело места.

Указание на этот факт – впрочем, как и все вышеизложенное – существенно для понимания не только прошедшего, но и настоящего, и грядущего, и в том числе плодов деятельности нынешней власти. Чрезвычайно показательно, что ее идеологи настойчиво твердили о необходимости создания в стране «*среднего класса*», который является ядром и ос-

новой западного *общества*, так или иначе примиряющим и объединяющим его «низы» и «верхи» (закономерно, что для обозначения этого неведомого России феномена пришлось перевести с английского термин «middle class»). Таким образом, идеологи власти отдавали себе отчет в том, что в нашей стране нет (и не было) «общества» в западном смысле, но ставили задачу «создать» его ядро, а затем, очевидно, и его в целом.

Однако для достижения этой цели необходимо кардинально изменить самих людей, населяющих страну, сам народ. Выразительно сделанное в 1998 году признание одного из главных наставников российских «реформаторов» американца Джеффри Сакса: «Мы положили больного (то есть Россию. – *В. К.*) на операционный стол, вскрыли ему грудную клетку, но у него оказалась другая анатомия». (Цит. по газ. «Деловой вторник» от 10 ноября 1998 г.) Возможно, Сакс имел в виду, что у пациента не оказалось абсолютно необходимого, с точки зрения иностранного «хирурга», органа – общества. Так или иначе американец пришел к выводу, что Россия – принципиально иной феномен, хотя идеологи нынешней российской власти постоянно объявляют этого рода выводы тенденциозными выдумками «русофилов» и «почвенников».

Прочитую еще раз слова Петра Чаадаева. Мыслитель критически и даже резко критически судил о своей стране, но в то же время с полной убежденностью писал в 1835 году:

«...мы не Запад... И не говорите, что мы молоды, что мы отстали от других народов, что мы нагоним их. Нет, мы столь же мало представляем собой XVI или XV век Европы, сколь и XIX век... у нас другое начало цивилизации. Поэтому нам незачем бежать за другими; нам следует откровенно оценить себя, понять, что мы такое... Тогда мы пойдем вперед».

К прискорбию, в наше время многие люди рассуждают примерно так: раз наш путь привел страну к крушению, следует двигаться по пути «благополучных» стран Запада. Однако в свете тысячелетней отечественной истории ясно, что это иллюзорный, бесперспективный проект...

Необходимость связи времен

В предыдущей главе речь шла о наивысшем подъеме, о «победоносном» периоде в истории СССР, продолжавшемся в общем от Сталинградской битвы до космического полета Юрия Гагарина. Этот период, как я буду стремиться показать, не стал бы возможным без кардинального *поворота* в политике и идеологии, который начался с середины 1930-х годов.

Российская революция (как, впрочем, *любая* революция) была тотальным отрицанием *предшествующего* бытия и сознания страны; все прошлое России – за исключением тех явлений и тенденций, которые считались так или иначе подготавливающими революцию, – объявили «проклятым прошлым».

Даже в 1936 году в статье, опубликованной (21 января) в редактируемой им газете «Известия» – второй по значению после «Правды», – Н. И. Бухарин утверждал, что русские были до 1917 года «нацией Обломовых», а само слово «русский» – синонимом слова «жандарм». Но Бухарин или не замечал, или не хотел замечать, что в стране уже начался коренной поворот. И 10 февраля «Правда» опубликовала резкую отповедь, в которой, в частности, утверждалось: «Партия всегда боролась против „Иванов, не помнящих родства“, пытающихся окрасить все историческое прошлое на-

шей страны в сплошной черный цвет». 14 февраля Бухарин на страницах «Известий» принес покаяние.

Но нельзя не признать, что утверждение «партия *всегда* боролась...» явно не соответствовало действительности; этого рода борьба началась не ранее 1934 года, когда появились в известной мере пересматривавшие прежнюю идеологическую линию «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» за подписями Сталина, Жданова и Кирова; к тому же опубликованы эти «Замечания» были позже, 27 января 1936 года, – через несколько дней после «антирусской» статьи Бухарина.

А скажем, в 1928 году Сталин в связи с 10-летием Красной армии произнес директивную речь, безоговорочно утверждавшую, что эта новая армия не имеет ничего общего со «старой», которая, в частности, «воспитывалась в духе великодержавничества», между тем как Красная армия «воспитывается... в духе интернационализма... поэтому она... является армией рабочих всех стран» (т. II, с. 24, 25).

Последнее суждение было явно безосновательным. Красная армия победила в гражданской – *классовой* – войне на территории России, однако когда летом 1920 года начались военные действия на территории другой страны (кстати, весьма небольшой в сравнении с РСФСР) – восстановленной в 1918-м Польши, – Красная армия потерпела столь сокрушительное поражение, что пришлось отдать Польше (до 1939 года) обширные западные территории Украины и Бело-

руссии. Ибо против Красной армии воевал польский народ в целом, включая *рабочих*.

А через тринадцать лет после цитированной сталинской речи в страну вторглась армия, состоявшая в значительной мере именно из *рабочих* Германии, Австрии, Венгрии, Финляндии и других стран, – армия, которую обеспечивали всем необходимым *рабочие* почти всей вошедшей в Третий рейх Европы. Но к этому времени армия СССР была уже совсем не той, о которой Сталин говорил в 1928 году; она представляла как наследница дореволюционной армии России.

В период с 1935 по 1941 год восстановились российские офицерские и генеральские звания, было утверждено воинское величие Александра Невского, Петра Первого, Суворова, Кутузова и т. п. В 1942 году, незадолго до начала нашего наступления под Сталинградом, подвергся окончательному упразднению институт «военных комиссаров», являвший собой основу Красной армии, а в январе 1943-го были восстановлены долго считавшиеся чем-то заведомо «враждебным» *погоны...*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.